

Пушкин в мировой литературе

Вл. Нейштадт

I

Проблема «Пушкин и мировая литература», по самому существу своему, двусторонняя. При постановке этой проблемы закономерно и необходимо встает вопрос: что дала мировая литература Пушкину, но столь же закономерно и необходимо возникает второй вопрос: что дал Пушкин мировой литературе. До сего времени пушкиноведение занималось главным образом первой стороной проблемы. Вторую сторону оно еле-еле намечало. Но и первую сторону проблемы пушкиноведение часто разменивало на пятаки, с каким-то сладострастием выискивая отдельные строфы и строки предшественников и современников Пушкина, с которыми находили более или менее отдаленное сходство в произведениях поэта. Эта обнаженная «охота за параллелями», без какой-либо попытки осознать смысл и значение сталкиваемого материала, могла привести много неискущенного читателя к мысли, что Пушкин это только ловкий перекройщик чужих стихов и образов. Эта охота порождала порой такую же мысль и у исследователя. Вспомним статью М. О. Гершензона «Плагиаты Пушкина». Гершензон находил у Пушкина большое число заимствований из других поэтов и утверждал, что «Гете и Байрон, Тютчев и Фет совершенно свободны от этой литературной обремененности». Последнее утверждение Гершензона, конечно, голословно: достаточно указать на «обремененность» Гете заимствованиями из Вергилия и Тибулла¹. Не

стеснялся Гете заимствовать и у своего соотечественника Гердера. Что касается Байрона, то стоит вспомнить, что у великого английского поэта был свой Гершензон: я имею в виду А. Уотса, оставившего нам в наследство брошюру: «Плагиаты Байрона»¹.

Итак, первая сторона проблемы «Пушкин и мировая литература» почти что свелась у иных пушкинистов к формуле: Пушкин обобрал мировую литературу. Неудивительно поэтому, что, например, в сборнике «Пушкин в мировой литературе», изданном в 1926 году, большинство статей построено по схеме «Пушкин и...» Так мы находим там статьи: «Пушкин и Буало», «Пушкин и Кольридж», «Пушкин и Соути» и т. д. И лишь две статьи частично затрагивают вторую сторону проблемы: «статья И. Соколова — «Пушкин в новогреческом переводе» и статья К. Дондуа — «Пушкин в грузинской литературе».

И не удивительно также, что в предисловии к тому же сборнику мы находим следующую формулу, определяющую значение Пушкина в мировой литературе: «Впитав в себя поэтическую культуру древности и Запада, Пушкин «евразиец» передает ее затем литературам нового Востока», — новогреческой, грузинской». (стр. V).

Вдумайтесь только в эту роль Пушкина

¹ См. по этому поводу статью Франца Гердера «Anklänge und Entlehnungen» в «Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte», 1890, т. III, Вып. 4 — 5, стр. 365.

¹ А совсем недавно, как сообщает газета «Литературный Ленинград», в Италии появилась книга Джованни Фоа «Лорд Байрон — поэт и карбонарий», в которой автор уверяет, что все достижения Байрона покоятся на заимствованиях из итальянских писателей Пульчи, Берни, Касти, и что без них Байрон не был бы Байроном («Л. Л.», 1936, № 38). Как видим, каждый пристрастный исследователь по-своему распоряжается фактами: один просто зачеркивает их, другой ставит их на голову.

как «передатчика» между Западом и Востоком.

Уничижительный взгляд на Пушкина, как на местного поэта, продолжает бытовать в сознании советских критиков и исследователей. Оскорбительно слышать в разговоре, что Пушкин, дескать, «колониальный поэт», не оказавший никакого влияния на мировую литературу. Но еще оскорбительнее читать такую тираду: «По всему своему облику Пушкин гораздо более космополитичен и европеец, чем Гоголь или Толстой. Тем не менее Пушкин остается узко национальным поэтом, классиком для своих соотечественников, а Гоголь и Толстой входят в общую литературную сокровищницу человечества» (Д. Мирский — «Проблема Пушкина»; «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 103).

Это утверждение Д. Мирского и всех, разделяющих эту точку зрения, прежде всего голословно. Оно голословно потому, что не подтверждено изучением фактического резонанса, какой получило творчество Пушкина во всем мире.

2

Показать мировое значение того или иного поэта можно только на фактах внедрения творчества данного поэта в культуры разных народов, на фактах освоения и усвоения его произведений разноязычными культурами. Для этого нужно выяснить:

1) где и сколько переводили и переводят этого поэта;

2) как оценивает его иноязычная критика и как воспринимает его иноязычное общество в целом и

3) какие его идеи и образы отразились в иноязычных литературах.

Нужно быть очень осторожным в оценке этих фактов. Большое количество переводов из того или иного писателя является порой результатом моды или ловкости литературного дельца. Однако, литературные произведения этого сорта живут обычно очень недолго и, умирая в своей культуре, влекут за собою смерть и своих иноязычных копий. Но когда произведение, признанное и выдержавшее испытание в своей стране, продолжает жить и воспроизводиться в иноязычных культурах, — это можно рассматривать как объективный признак

внедрения данного произведения в сокровищницу мировой литературы. Нельзя, например, в оценке мирового значения Толстого не считаться с тем фактом, что его произведения с 1883 по 1903 год разошлись в Германии в 9½ миллионах экземпляров (по подсчетам лейпцигского издателя Дидерихса). А в Англии, приблизительно за тот же промежуток времени, они разошлись свыше чем в 11½ миллионах экземпляров (по подсчетам Венгерова в отделении Rossiа Британского музея в Лондоне). Факт этот становится особо знаменательным, если прибавить, что за то же время сочинения Гете разошлись в Германии в количестве всего лишь 600 000 экземпляров.

Нельзя не считаться также и с тем фактом, что число переводов произведений того же Толстого исчисляется в сотнях номеров почти для каждой страны. Так, например, во Франции мы имеем с 1866 по 1935 год — 366 переводов из Толстого. Чтобы понять значение этой цифры, достаточно указать, что переводов из Байрона за время с 1815 по 1935 год мы найдем немногим более 100.

Сухие цифры статистики бывают порою очень красноречивы.

3

Переводить Пушкина начали еще при его жизни. Первые переводы — немецкий и французский — появились в 1823 году. Это было время, когда интерес к русской литературе на Западе начал уже закрепляться. Первые проявления этого интереса мы встречаем в середине XVIII века, но тогда этот интерес еще случаен и экзотичен. Только случаем и можно объяснить, что русские сатиры молдаванина Кантемира вышли в переводе на французский язык в Англии (Лондон) в 1749 году, за 13 лет до появления их на русском языке.

Но чем дальше, тем больше повышался интерес к русской литературе, хотя на первых порах она расценивалась на Западе в достаточной мере невысоко. «Новейшая русская изящная словесность еще очень зелена», — писал один из немецких критиков в 1824 году. Разбирая русскую антологию Фон-дер-Борга, этот же критик выразился так: «Сии стихотворения все почти суть подражания чужой, а именно французской

словесности, а некоторые, преимущественно позднейшие, подражания и немецкой» (цитирую по русскому переводу В. Кюхельбекера «Сын отечества», 1825, часть 103, стр. 69 и 73).

Только Пушкину суждено было изменить этот взгляд западной критики на русскую изящную словесность. Однако, в первое время интерес к Пушкину не выходил за пределы общего интереса к русской литературе. Пушкина включали в переводные антологии лишь потому, что его рекомендовала русская критика. Но очень скоро Пушкин стал появляться на иностранных языках, независимо от суждений русской критики. Значительную роль в этом сыграли те иностранцы, которые, долго прожив в России и изучив русский язык, непосредственно поддавались чарованию пушкинской музыки¹. И вот за время с 1823 по 1836 год появилось около 75 переводов из Пушкина на 12 языках: немецком, французском, шведском, английском, польском, итальянском, сербском, чешском, молдавском, украинском, грузинском и армянском.

Из крупных произведений Пушкина за это время появились: в 1823 г. «Руслан и Людмила» (большой отрывок из первой песни) на французском языке (перевод Дюпре де Сен-Мора) и на немецком языке (перевод фон-дер-Борга), «Кавказский пленник» на немецком языке (перевод Вульфберта; в 1824 г. вышел вторым изданием).

В 1825 г. — «Кавказский пленник» на шведском языке.

В 1826 г. — «Бахчисарайский фонтан» на

французском, на немецком и на польском языках. «Братья разбойники» — на польском языке.

В 1828 г. — «Цыганы» на французском языке. «Бахчисарайский фонтан» и «Братья разбойники» на польском языке (новый перевод). «Кавказский пленник» на польском языке.

В 1829 г. — «Граф Нулин», «Кавказский пленник», «Братья разбойники» и «Полтава» — на французском языке.

В 1830 г. — «Цыганы» на чешском языке. «Бахчисарайский фонтан» на французском языке (новый перевод).

В 1831 г. — «Борис Годунов» на немецком языке. «Полтава» на украинском языке.

В 1833 г. — «Арап Петра Великого» (отрывок) на французском языке. «Руслан и Людмила» (2 песни) на немецком языке.

В 1834 г. — «Кавказский пленник» на итальянском языке. «Бахчисарайский фонтан» на польском языке (третий перевод). «Полтава» на польском языке. «Выстрел» на французском языке.

В 1836 г. — «Полтава» на украинском языке.

Из лирики в разных переводах появились: «Черная шаль», «Талисман» (получили большую популярность), «Шотландская песня», «Пророк», «Воспоминание», «Клеветникам России», «Поэту», «Русалка», «Утопленник», «Зимний вечер», «Делибаш», «Гусар» и др. Интересно отметить, что стихотворение «Кинжал», не печатавшееся при жизни Пушкина и ходившее только в списках, появилось в переводе на французский язык в книге J. Ancelot «Six mois en Russie», изданной в Париже в 1827 г.

Такого международного успеха не было, разумеется ни у кого из современников Пушкина, и тем знаменательнее этот успех, что со стороны Пушкина не было приложено никаких усилий, чтобы его добиться. Пушкин не рассылал писем переводчикам с просьбой перевести что-либо из его произведений, как это делал, например, граф Хвостов¹.

¹ Любопытен рассказ одного из современников Пушкина, статью которого о поэте П. А. Муханов, не называя автора, напечатал в «Русской старине» (1874, том 10, стр. 690); «Разумеется, «Онегин» увлек за собою больше всего внимание молодежи, но были и старики, даже иностранцы, которые восхищались им. Старик Нейман, бывший много лет профессором юридических наук, сначала в Казанском, а потом в Дерптском университетах, знаток древних и новых иностранных словесностей, говорил худо по-русски, как все не обрусевшие немцы, но разумел письменный язык наш так, что сочинял на нем книги и любил читать наших писателей. Этот рассудительный и ученый немец был в восторге от «Онегина», он предпочитал его всем другим сочинениям Пушкина и с жаром доказывал, что ни в одной европейской литературе нет произведения столь легкого, остро, умного и восхитительного по стилю, как «Евгений Онегин».

¹ См. «Письма Н. М. Языкова к родным», СПб, 1913, стр. 67 и 78. В письме от 29 апреля 1823 г. Языков пишет: «Граф Хвостов прислал Боргу свои сочинения с письмом, в котором говорит, что, пользуясь наступающими праздниками, он спешит его (вовсе незнакомого) с оными поздравить и предложить ему перевести из его стихотворений. Каково?..»

У Пушкина не было своего комиссионера в Париже или в Берлине, проталкивавшего его произведения для перевода, как это было, например, у князя Одоевского¹. И уж, конечно, не было в распоряжении у Пушкина аппарата III отделения, который заботился бы о распространении его произведений по всем государствам Европы, как это было у Булгарина и его соратников Греча и Сеяковского. Успех Пушкина был не успехом моды или успехом ловкого дельца, это был успех, обусловленный признанием его таланта и значения. Конечно, это не было еще полным признанием, это был только первый шаг к усвоению произведений великого поэта. Это было только начало приобщения имени Пушкина к мировой сокровищнице литературы. Более широкое постижение Пушкина и не могло, в сущности, иметь места в те времена. Такое постижение выдающегося гения вообще требует очень продолжительной работы, что мы видим на примерах того же Шекспира, Данте или Гете. Байрон здесь явился счастливым исключением.

Впрочем, что касается Пушкина, некоторая замедленность проникновения его в иноязычные культуры объясняется еще одним привходящим обстоятельством: Пушкин писал на русском языке. А русский язык тогда был еще почти неизвестен на Западе. И мало того, что не известен, к нему относились с «гордым» пренебрежением. Пушкину и суждено было сломать это сложившееся представление о русском языке. Мы имеем ряд свидетельств, что именно чтение пушкинских произведений в переводе заставляло того или иного квалифицированного читателя заняться изучением русского языка. Одним из первых в этом ряду был знаменитый немецкий критик Фарнгаген фон-Энзе. Но какую же проникательностью нужно было обладать, чтобы за бесформенной тканью бездарного перевода угадать красоту языка подляжника.

А вся беда для Пушкина в том и состояла, что переводили его на первых порах далеко не мастера слова. Кто были первые переводчики Пушкина? Иностранцы, жившие в России, более или менее овладевшие русским языком, но в большинстве случаев имевшие лишь отдаленное отношение к ли-

тературе. Русские аристократы, прекрасно владевшие иностранными языками, но тоже имевшие отдаленное отношение к литературе. Мы можем быть благодарны им за их энтузиазм к великому поэту, заставлявший их браться за трудное и непривычное дело художественного перевода, но за самые переводы мы их не поблагодарим. Действительно, из всех переводов, появившихся при жизни Пушкина, только два или три заслуживают внимания, к числу их следует отнести опыты фон-дер-Борга, переводы Каролины Яниш, да, пожалуй, еще перевод «Бориса Годунова», сделанный Кноррингом (1831).

Уже Белинский в статье «Перевод сочинений Гоголя на французский язык» (1844) писал о трудности перевода русских произведений на иностранные языки: «Басни Крылова» — непереизводимы... «Горе от ума» Грибоедова могло бы быть переведено без особенной утраты в своем достоинстве: но где найти переводчика, которому был бы под силу такой труд? То же должно сказать о Пушкине и Лермонтове: переводить их должно стихами, но какой же талант нужно иметь переводчику?» В этом все дело. А переводчики-любители, переводившие Пушкина, вообще не обладали никаким поэтическим талантом.

Может показаться несколько странным, что за рассматриваемый период такое малое отражение получила проза Пушкина, тем более, что прозу переводить легче, чем стихи. В самом деле, мы находим за это время лишь перевод отрывка из «Арапа Петра Великого» в большой антологии русских прозаиков («Les conteurs russes...» Traduit par M. Ferry de Pigny) 1833 года, перевод рассказа «Выстрел» во французском журнале «Le Panorama littéraire de l'Europe» 1834 года, да перевод «Кирджали» в «Magazin für die Litteratur des Auslands», 1835 г.

Но мы легко найдем объяснение этому, если вспомним, что в Германии и в славянских странах произведения русских авторов попадали в печать только с благословения Булгарина. Это особенно касалось прозы: здесь Булгарин не терпел конкуренции. Щупальцы Булгарина проникали, конечно, и во Францию. И здесь его творения усиленно переводились и распространялись. Присяжным переводчиком Булгарина во Франции

¹ См. «Русскую старицу», 1904, т. 119, стр. 157. «Из переписки кн. В. Ф. Одоевского».

был как раз составитель вышеупомянутой антологии Ферри де Пиньи, получивший, несомненно, хорошие подачки. Отбор материала для этой антологии был сделан самим Булгариним. Этим и объясняется, что Пушкин был представлен в ней лишь незначительным отрывком из «Арапа Петра Великого».

Пушкин, страдавший от цензуры Николая I у себя в России, страдал от нее и в другом отношении. Николай I, несомненно, не жаждал распространения произведений Пушкина за границу и принимал всяческие меры, чтобы не выпустить их за кордон. Не только сам Пушкин, но и его произведения были пленниками русского царя. Поэта царь задушил, задушить же его творенья он при всем своем желании не мог. И, сметая все преграды III отделения, они все чаще и чаще начинают выходить за русские рубежи.

4

Дуэль и смерть Пушкина подняли на Западе волну интереса к его личности и к его творчеству. Тогда появились там первые критические опыты, пытавшиеся самостоятельно, независимо от русской критики, постигнуть значение Пушкина. Об этом я буду говорить в своем месте подробнее. Если бы этот интерес был случаен, если бы он связывался только с сенсацией дуэли, он должен был бы быстро сойти на-нет. Однако, мы наблюдаем обратную картину. Интерес к Пушкину продолжает расти и расти, особенно в Германии. В 1840 году в Лейпциге выходит первое собрание сочинений Пушкина на немецком языке, в двух томах. Двухтомник был сделан Робертом Липпертом. В него вошли «Кавказский пленник», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», «Полтава», «Граф Нулин», «Сказка о царе Салтане», «Борис Годунов», «Каменный гость», «Евгений Онегин» (первый перевод) и ряд лирических стихотворений.

В том же 1840 году в Германии вышли еще 2 сборника произведений Пушкина. сборник поэм и стихотворений, в переводе Е. фон О. и сборник прозы в переводе Треста и Сабинина.

В сборнике Е. фон О. (Ольсберга) были переведены: «Черная шаль», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Бахчисарайский фонтан» (с примечаниями к

нему), «Цыганы» и «Полтава». Сборник Треста и Сабинина включал в себя повести: «Пиковая дама», «Метель», «Станционный смотритель», «Гробовщик» и «Барышня-крестьянка». Из повестей Белкина, таким образом, не был включен только «Выстрел», может быть потому, что всего лишь год назад он появился в переводе Тица.

Помимо этих трех собраний, в Германии вышел в том же году ряд отдельных произведений Пушкина, в том числе «История Пугачевского бунта» в переводе Брандейса. И можно сказать, что в 1840 году Пушкин уже в полном объеме предстал Европе. Ведь не следует забывать, что немецкий язык имел широкую сферу распространения, в первую очередь в скандинавских странах и в ряде славянских стран. Можно с уверенностью сказать, что ряд переводов из Пушкина, появившихся после 1840 года в Сербии и Чехии, был сделан не с подлинника, а с немецких переводов¹.

Во всяком случае с 1840 года начинается широкое проникновение Пушкина в иноязычные культуры. За десятилетие, с 1840 по 1850 год, число переводов из Пушкина на разные языки уже очень велико. Назову здесь только главнейшие: «Кавказский пленник» на голландском языке, перевод В. П., 1840; «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», «Цыганы» на итальянском языке, перевод Бочелла, 1841; «Капитанская дочка» на шведском языке, перевод Мермана, 1841 (первое появление «Капитанской дочки» на иностранном языке); «Цыганы» на польском языке, перевод Янишевского, 1842; «Пиковая дама» на сербском языке, перевод Поповича, 1842; «Метель» на французском языке, 1843, «Пиковая дама» на французском языке, перевод Жюльвекура, 1843; «Капитанская дочка» на датском языке, перевод Торсона, 1843; «Медный всадник» и «Скупой рыцарь» на польском языке, перевод Шимановского, 1844; «Гробовщик» на чешском языке, перевод Лимана, 1844; «Метель» на сербском языке, перевод Гавличе-

¹ Любопытный пример убеждает нас в этом: «Песнь о вещем Олеге» названа у одного из сербских переводчиков «Pesem o belem Olegu», то есть «Песнь о белом Олеге». Совершенно очевидно, что, переводя с немецкого, переводчик прочел немецкое слово *weise* (мудрый), как *weisse* (белый).

ка, 1844; «Цыганы», «Братья разбойники» и «Бахчисарайский фонтан» на польском языке, перевод Дашковского, 1845; «Кирджали» на английском языке, 1846; «Кирджали» на французском языке, 1846; «Капитанская дочка» на чешском языке, перевод Стефана, 1847; «Евгений Онегин» на польском языке перевод Сикорского, 1847; «Капитанская дочка» на немецком языке в переводе Требста и одновременно другое издание в переводе Вольфсона, 1848; второе издание сборника Ольсберга 1848; «Пиковая дама» на французском языке, перевод Мериме, 1849; «Капитанская дочка» на сербском языке, 1849; «Бахчисарайский фонтан» на английском языке в Америке, перевод Льюиса, Филадельфия, 1849.

Но если начало этого десятилетия отмечено появлением первого двухтомника Пушкина на немецком языке, то последние годы этого десятилетия отмечены появлением не менее важного по своему значению собрания сочинений Пушкина на французском языке: я имею в виду двухтомник, появившийся в Париже в 1847 году и сделанный Г. Дюпоном. В этот двухтомник вошли следующие произведения Пушкина: «Евгений Онегин» (отрывок), «Борис Годунов», «Бахчисарайский фонтан», «Руслан и Людмила», «Братья разбойники», «Цыганы», «Граф Нулин», «Домик в коломне», «Полтава», «Анджело», «Медный всадник», «Каменный гость» и 40 стихотворений.

Таким образом, за рассматриваемое десятилетие были переведены на ряд языков почти все крупные вещи Пушкина. Мимо внимания переводчиков прошел, пожалуй, только один «Дубровский», который был переведен впервые лишь три года спустя в Сербии, а затем был переведен во Франции только в 1863 году¹. Что касается сказок, из которых были переведены лишь «Сказка о царе Салтане» на немецкий язык и «Сказка о золотом петушке» — на польский язык, то они, может быть, больше, чем все другое, обратили на себя внимание, но зато и перевести их было труднее всего. Трудность задачи объясняется и сравнительно малое количество переводов лирики Пушкина².

¹ Впрочем, краткое изложение этой повести появилось и во Франции в 1853 году.

² Исключительная трудность перевода пушкинских сказок и лирики признается и сейчас, хотя техника перевода в наше время выросла неизмеримо.

Нужно сказать, что увеличение переводов из Пушкина не сопровождалось в общем заметным улучшением качества их. Правда, немецкие переводы Липперта представляли для своего времени некоторое достижение: из мелких произведений он не плохо перевел, сохраняя размеры подлинника, стихотворения: «Гусар», «Воевода», «Будрыс и его сыновья», из крупных — сравнительно хорошо справился с трудностями «Бориса Годунова», уловил легкость стиха «Графа Нулина», что нельзя сказать о других переведенных им поэмах. Но абсолютно не по плечу оказались ему «Сказка о царе Салтане», и особенно «Евгений Онегин». О трудности перевода сказок Пушкина я уже замечал выше. Но то же самое нужно сказать теперь о «Евгении Онегине». Перевод «Евгения Онегина» — это вообще подвиг, и неудивительно, что первый опыт оказался неудачным. Липперт прежде всего нарушил онегинскую строфу, введя в нее свой порядок рифм; много строф он просто выпустил, чем в значительной мере разрушил лирическую композицию романа. Многого он просто не понял, многое «онемечил», перекрестив при этом Татьяну в Иоганну. Такую же операцию произвел он с царем Салтаном и с сыном его Гвидоном, перекрестив первого в короля Сильвана, а второго — в князя Гаральда. Но и сильно искаженная сказка Пушкина, и жалкое, в сущности, подобие «Евгения Онегина», произвели, как мы увидим, огромное впечатление на западно-европейскую критику и западно-европейского читателя.

Из других немецких переводов заслуживает внимания перевод «Капитанской дочки», сделанный Вольфзоном. Вольфзон сам был заметный беллетрист, к тому же он был выходцем из России и хорошо знал русский язык. Но вообще с прозаическими переводами дело обстояло намного лучше, чем с поэтическими.

Во французском двухтомнике Дюпона все переводы были сделаны прозой. Традиция переводить поэзию прозой живет во Франции и до сего дня. Она находит себе теоретических защитников и в других странах, с другим языковым строем. Было бы легко опровергнуть эту защиту, но вдаваться здесь в теоретический спор по этому вопросу неуместно. Во всяком случае,

прозаический перевод, разрушая поэтическую форму стиха, претендует на некоторую поэтическую компенсацию в прозаической форме. Вот этой поэтической компенсации мы прежде всего и не находим в переводах Дюпона. Французский критик Сен-Жюльен, рецензируя сборник Дюпона («Revue des Deux Mondes», октябрь, 1847), определил его перевод как «сухое» изложение содержания подлинника. Но и с точки зрения точности, — а ведь в точности и видят иные основное преимущество прозаических переводов перед поэтическими — переводы Дюпона тоже не совсем удовлетворительны. Дюпон, восемь лет прожив в России, не овладел тонкостями русского языка. При всей своей добросовестности, он не мог справиться с поэтической метафорой, не понимал он и народных выражений; все это создало в его переводах много промахов, а подчас и грубых ошибок. Но при всем том его переводы сыграли большую роль в ознакомлении французского общества с Пушкиным. Недаром они вызвали большое число рецензий.

Из всех переводов этого времени выдающимся явлением были лишь переводы Мериме. Примечательным было и то обстоятельство, что большой мастер приложил свое мастерство к переводу произведений Пушкина. Правда, Мериме не был пионером в этом направлении. Уже Мицкевич в 1829 году сделал превосходный перевод лирического стихотворения Пушкина «Воспоминание». Довольно много переводил из Пушкина в тридцатых и сороковых годах крупный польский поэт Одынец. Между прочим, он первый и довольно удачно перевел «Сказку о золотом петушке». В 1839 году выдающиеся немецкие поэты Шамиссо и Гофман фон Фаллерслебен одновременно перевели «Шотландскую песню». Но когда поэт переводит поэта, удивляться этому не приходится. Другое дело, когда большой писатель переводит чью-нибудь прозу. Это — высшее признание.

5

Накопление переводов из Пушкина в сороковых годах давало достаточно материала для оценки его как западно-европейской критикой, так и западно-европейским читателем. Второе для резонанса писателя по меньшей мере столь же важно, как и

первое. Если бы Пушкин был принят холодно, количество переводов из него стало бы уменьшаться и вскоре сошло бы на-нет. Пушкин перешел бы в категорию полузабытых и забытых поэтов. Так бывает не только в национальном, и но и в мировом масштабе с писателями, созвучными одной только какой-нибудь эпохе, нужными только для определенного отрезка времени. Такова была участь Карамзина не только в России, но и на Западе. Такова была участь Клопштока и Виланда не только в Германии, но и во всем мире. Но не такова была участь Пушкина. С каждым новым десятилетием продолжало расти и расти число переводов его произведений. С каждым десятилетием все больше и больше распространялись они по всему миру. В конце сороковых годов, как мы видели, в Соединенных Штатах Америки появился первый перевод из Пушкина. В семидесятих годах мы встречаем уже переводы из Пушкина в испано-американских странах. В 1886 году «Капитанская дочка» издана на английском языке в Бомбее и Калькутте в Индии. К восьмидесятым годам Пушкин был переведен уже на все европейские языки, а из восточных (не входящих в состав разноразличной России) — на персидский, турецкий и японский¹.

Велико количество переводов из Пушкина. Велик, следовательно, интерес к нему во всем мире. И одно это делает его уже мировым поэтом. В настоящее время мы насчитываем более 1500² переводов из Пушкина на 84 языках, и, кроме Шекспира и Толстого, я затруднился бы назвать еще одно имя мирового классика, выдержавшее испытание такими цифрами. По отдельным языкам общая цифра имеющихся переводов из Пушкина распределяется следующим образом: на чешском языке — 175, на французском и немецком — по 170³,

¹ Переводы из Пушкина на арабский, китайский и корейский языки появились лишь в XX веке.

² Нужно указать, что в этом счете сборники, включающие в себя ряд произведений, принимаются за единицу.

³ Привожу для сравнения цифры переводов на французский из других русских классиков: Толстой — 366, Тургенев — 122, Достоевский — 105, Гоголь — 55, Горький — 50 (в том числе одно собрание сочинений в 6 томах). Лермонтов — 36, Державин — 28, Герцен — 20, Чехов — 18 (в том числе одно полное собрание

на сербском — 150, на болгарском — 80 (следует заметить, что Пушкина начали переводить в Болгарии лишь с 1870 года), на польском — 60, на английском, итальянском и словенском по 40, на латышском — около 30, на эстонском — около 25 и т. д. На языках народностей СССР мы имеем около 250 переводов из Пушкина, при чем за время революции появилось около 125 переводов. Но вопрос о переводе Пушкина на языки народов СССР требует самостоятельной работы.

Окидывая взглядом восемь с половиной десятилетий после 1850 года, в течение которых Пушкин стал достоянием всего мира, мы увидим несколько вспышек интереса к нему, поднимающихся над общим уровнем. Такие вспышки наблюдаются в 1880 году (год открытия памятника Пушкину в Москве), в 1887 году (50-летие со дня смерти) и в 1899 году (100-летие со дня рождения). Но была еще одна вспышка, вызванная не юбилейной датой, а появлением произведений Пушкина на немецком языке в переводах Фридриха Боденштедта (первые два тома переводов Боденштедта вышли в 1854 году, третий том — в 1855 году).

Боденштедтовское собрание было наиболее полным собранием поэтических произведений Пушкина на иностранном языке. Первый том заключал в себе 30 стихотворений, «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мертвой царевне», «Сказку о царе Салтане» и 4 поэмы: «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», «Граф Нулин», «Полтава». Во втором томе полный перевод «Евгения Онегина»; в третьем томе — «Борис Годунов», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери», «Русалка» и в приложении «Египетские ночи». Не только коли-

чественно, но и качественно трехтомник Боденштедта резко выделился из всех прочих переводов. Фридрих Боденштедт сам был крупный поэт. Долго прожив в России, он в совершенстве овладел русским языком и очень хорошо знал русскую литературу. Он не был переводчиком-профессионалом и не переводил по заказу, но, подобно Жуковскому, он был переводчиком по призванию и переводил лишь то, чем восхищался. Так, восхищенный поэзией Пушкина и Лермонтова, он много потрудился над переводами из этих поэтов. Так, восхитившись позднее прозой Тургенева, он перевел ряд его вещей. Тургенев необычайно высоко ценил Боденштедта как переводчика. Когда Виардо положила на музыку ряд стихотворений Пушкина, и Тургенев захотел напечатать в издаваемом альбоме параллельно и немецкие тексты, он писал Боденштедту: «Когда дело коснулось перевода, то весьма естественно я подумал о Вас — самом превосходном и искусном из переводчиков.. Само собою разумеется, что необходимо сохранить в точности размер оригинала, но Вы преодолеваете эти трудности шутя». В другом письме он пишет Боденштедту по поводу перевода повести «Фауст»: «Я только что прочел его (перевод) и был буквально в восторге, — он просто на просто восхитителен. Недостаточно знать основательно русский язык, надобно еще самому владеть прекрасным слогом для того, чтобы произвести нечто столь совершенное». (См. переписку Тургенева с Боденштедтом, опубликованную в «Русской старине», 1887, май, стр. 476 и 480).

Переводы Боденштедта обратили на себя внимание не только в Германии и России. Они нашли отклик и во Франции, и в Англии, и в Голландии, о чем свидетельствуют многочисленные рецензии и статьи, появившиеся в этих странах. Переводы Боденштедта не только подняли волну интереса к Пушкину, они вызвали на Западе и ряд переоценок его творчества. Новое качество перевода сыграло здесь важную роль. В чем же заключается это новое качество? Его, по-моему, очень точно определил сам Боденштедт. Рассказывая о своей первой книжке переводов из Козлова, Пушкина и Лермонтова, выпущенной в 1843 году, Боденштедт пишет в своих воспоминаниях: «Когда мои переводы очутились впервые у

сочинений в 16 томах), Крылов — 18, Короленко — 13. Переводы из других русских классиков начисляются лишь единицами. Конечно, этим цифрам нельзя придавать абсолютное значение, тем более, что нельзя забывать и о хронологии (Толстого, скажем, переводят с семидесятых годов, а Горького — с 1902 года). Но если сопоставить с сотнями переводов из Толстого, Пушкина и др. наличие всего 8 переводов из Тютчева, 7 переводов из Жуковского, 7 переводов из Баратынского, 6 переводов из Фета, 5 переводов из Гончарова и т. д. — можно все же говорить о несравнимости мирового резонанса этих групп. Приведенные цифры повторяются с некоторыми вариациями и в других странах.

меня в руках в печатном экземпляре, то я провел из-за них бессонную ночь. В них было так много ошибок грубого свойства, что я не мог успокоиться по этому поводу и написал г. Кольману, чтобы он приостановил продажу этой книги... Между тем книга эта, несмотря на многочисленные искажения текста, встретила большой успех, нежели я мог ожидать. Ее не только расхвалили в немецких газетах, но и Александр Иванович Герцен отозвался о ней в таком тоне, как будто переводы мои были образцовые. Что эти похвалы были не вполне заслуженные, лучше всего чувствовал я сам, но похвала послужила мне стимулом к тому, чтобы заслужить ее впредь последующими трудами. Однако, при этом я твердо вознамерился никогда не печатать таких переводов, которые не производили бы вполне впечатления оригинальных стихотворений («Русская старина», 1887, май, стр. 424).

В этом и заключается значение переводов Боденштедта как в истории искусства перевода вообще, так и в истории перевода пушкинских текстов¹.

Больше шестидесяти лет переводы Боденштедта оставались непревзойденными в Германии. Ряд позднейших попыток перевести «Евгения Онегина» (Зейберт — 1874, Блюменталь — 1878, Лупус — 1899), если и превосходит первый перевод Липперта, то не может идти ни в какое сравнение с переводом Боденштедта. И лишь в 1916 году появился изумительный перевод Теодора Коммихау, который во многих отношениях превзошел перевод Боденштедта².

Я не могу входить здесь в подробное рассмотрение всех выдающихся переводов из Пушкина, но нужно хотя бы только упомянуть такие прекрасные работы, как поль-

¹ Современный переводчик-профессионал, вооруженный более высокой техникой, чем во времена Жуковского и Боденштедта, может укорить их кое-где в неточности или в вольном подчас обращении с текстом подлинника. Но право на такие укоры имеет лишь тот, кто, превзойдя Жуковского и Боденштедта в смысле точности, не уступит им в поэтической силе. Об этом последнем, к сожалению, часто забывают.

² Этот перевод Коммихау со многими улучшениями переводчика появился вторично в двухтомнике Пушкина, изданном А. Лютером в 1923 году, в Мейеровской серии классиков.

ский перевод «Евгения Онегина», сделанный Бельмонтом в 1902 году (второе исправленное издание вышло в 1925 г.), шведский перевод «Евгения Онегина», сделанный Йенсенем в 1889 году, датский перевод «Евгения Онегина», сделанный Розенбергом в 1930 году¹. Выделяются своим мастерством немецкие переводы Грегера и Гюнтера. Из новейших переводов очень хороши польские переводы Тувима (лирика, «Медный всадник», «Полтава» и др.).

Можно с уверенностью сказать, что за последние десятилетия интерес к Пушкину на Западе несколько не ослабел. В ряде стран он скорее даже вырос. Однако, этот интерес не достиг еще своего предела, он должен расти и будет расти.

На стр. 153 я приведу две таблицы, которые дают наглядное представление о том, насколько значительно проникновение пушкинских произведений в иноязычные культуры.

В этих таблицах обращают на себя внимание цифры повторных изданий некоторых произведений. 26 изданий «Капитанской дочки» во Франции (с 1853 года) — цифра немалая. Она показывает, что среди французской читающей публики существует большой спрос на роман Пушкина. Из всех мировых классиков, переведившихся во Франции, только Лев Толстой нашел такой же спрос. Роман «Война и мир» выдержал во Франции 24 издания, «Анна Каренина» переиздавалась 23 раза².

Мне неизвестны, к сожалению, точные цифры тиражей пушкинских изданий за границей. Но следует отметить, что в Германии, например, издательство Филиппа «Ре-

¹ Обилие прекрасных переводов именно «Евгения Онегина», вещи наиболее трудно переводимой, убеждает в том, что этот роман высоко ценится на Западе. Нужно заметить, что польский перевод Бельмонта, как и чешский перевод Юнга (тоже достаточно удачный), сделан тоническим стихом, с соблюдением мужских и женских рифм, что для польского языка, имеющего постоянное ударение на предпоследнем слоге слова, исключительно трудно.

² Из произведений других русских классиков можно назвать еще «Записки охотника» Тургенева — 24 издания, «На дне» Горького — 14 изданий, «Демон» Лермонтова — 11 изданий, «Тарас Бульба» Гоголя — 8 изданий. Из романов Достоевского наибольшее число изданий выдержали: «Преступление и наказание» — 19, «Братья Карамазовы» — 6.

Немецкие переводы

№№ п/п		До 1837 г.	1837—1916 гг.	1917—1932 гг. ¹	Всего
1	Пиковая дама	—	5 пер. 5 изд.	7 пер. 11 изд.	12 пер. 16 изд.
2	Капитанская дочка	—	6 " 7 "	6 " 7 "	12 " 14 "
3	Гробовщик	—	4 " 4 "	7 " 9 "	11 " 13 "
4	Дубровский	—	4 " 6 "	7 " 7 "	11 " 13 "
5	Барышня-крестьянка	—	4 " 4 "	7 " 8 "	11 " 12 "
6	Метель	—	4 " 4 "	7 " 7 "	11 " 11 "
7	Станционный смотритель	—	3 " 3 "	7 " 7 "	10 " 10 "
8	Борис Годунов	1 пер. 1 изд.	6 " 7 "	2 " 4 "	9 " 12 "
9	Выстрел	—	2 " 2 "	3 " 7 "	9 " 9 "
10	Цыганы	—	6 " 7 "	1 " 1 "	7 " 8 "
11	Моцарт и Сальери	—	3 " 3 "	4 " 5 "	7 " 8 "
12	Бахчисарайский фонтан	1 пер. 1 изд.	5 " 5 "	1 " 1 "	7 " 7 "
13	Каменный гость	—	3 " 3 "	3 " 4 "	6 " 7 "
14	Евгений Онегин	—	5 " 8 "	— " 1 "	5 " 9 "
15	Кавказский пленник	1 пер. 2 изд.	4 " 4 "	— " 1 "	5 " 7 "
16	Скупой рыцарь	—	1 " 1 "	4 " 5 "	5 " 6 "
17	Египетские ночи	—	1 " 1 "	4 " 4 "	5 " 5 "
18	Сказка о золотой рыбке	—	3 " 3 "	2 " 2 "	5 " 5 "
19	Медный всадник	—	2 " 2 "	2 " 3 "	4 " 5 "
20	Полтава	—	4 " 4 "	— " — "	4 " 4 "
21	Арап Петра Великого	—	1 " 1 "	3 " 4 "	4 " 4 "
22	Сказка о царе Салтане	—	2 " 2 "	1 " 2 "	3 " 3 "

Остальные вещи от одного до трех переводов (фрагментарные переводы в счет не идут).

Французские переводы

№№ п/п		До 1837 г.	1837—1916 гг.	1917—1936 гг.	Всего
1	Бахчисарайский фонтан	2 пер. 2 изд.	10 пер. 13 изд.	1 пер. 1 изд.	13 пер. 16 изд.
2	Метель	—	9 " 12 "	2 " 7 "	11 " 19 "
3	Выстрел	1 пер. 1 изд.	6 " 7 "	3 " 9 "	10 " 17 "
4	Борис Годунов	—	6 " 10 "	4 " 4 "	10 " 14 "
5	Цыганы	1 пер. 1 изд.	7 " 9 "	1 " 2 "	9 " 12 "
6	Капитанская дочка	—	5 " 23 "	3 " 3 "	8 " 26 "
7	Полтава	1 пер. 1 изд.	7 " 8 "	— " — "	8 " 9 "
8	Пиковая дама	—	5 " 7 "	2 " 8 "	7 " 15 "
9	Братья разбойники	—	6 " 7 "	— " — "	7 " 8 "
10	Барышня-крестьянка	—	3 " 3 "	2 " 6 "	5 " 9 "
11	Гробовщик	—	3 " 3 "	2 " 6 "	5 " 9 "
12	Евгений Онегин	—	5 " 6 "	— " — "	5 " 6 "
13	Каменный гость	—	4 " 4 "	1 " 1 "	5 " 5 "
14	Дубровский	—	4 " 5 "	— " — "	4 " 5 "
15	Кавказский пленник	1 пер. 1 изд.	3 " 4 "	— " — "	4 " 4 "
16	Египетские ночи	—	4 " 4 "	— " — "	4 " 4 "
17	Станционный смотритель	—	1 " 1 "	2 " 7 "	3 " 8 "

Остальные вещи от одного до трех переводов.

¹ Хронологическое ограничение 1932 годом здесь не случайно. В Германии за годы насаждения фашистской „культуры“ появилось, насколько мне известно, всего два перевода из Пушкина.

клама» за время с 1872 по 1897 год выпустило в своей «Универсальной библиотеке» семь томов Пушкина: «Кавказский пленник»—1872, «Евгений Онегин»—1873, «Капитанская дочка»—1881, «Новеллы» («Повести Белкина», «Пиковая дама», «Арап Петра Великого») — 1882, «Борис Годунов»—1886, «Дубровский» — 1896, и «Стихотворения» (139 стихотворений в переводе Фр. Фидлера) — 1897. В мейеровской серии «Народных книжек» вышло три тома, посвященных Пушкину: «Борис Годунов» — 1870, «Поэмы» («Бахчисарайский фонтан» и «Медный всадник») — 1893, «Драмы» («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Русалка») — 1893. Тиражи рекламной «Универсальной библиотеки» и мейеровских «Народных книжек» были громадны, и обе серии пользовались большой популярностью вследствие дешевизны.

Но убедительнее всего вырисовывается отношение к Пушкину из факта многократности перевода почти всех его произведений. История взаимопроникновения различных литератур показывает, что только вещи мирового значения переводятся по многу раз, только гениальные творения не находят себе «дефинитивного» перевода. И чем значительнее вещь, тем больше возникает попыток передать ее красоту на своем языке, донести ее до своего читателя, достойно утвердить ее в своей языковой культуре. «Фауст» (первая часть) Гете переводился на русский язык 13 раз. «Божественная комедия» Данте переводилась на немецкий язык 15 раз (с 1767 г.), на французский — 14 (с 1596 г.), на английский — 14 (с 1802 г.). Большинство драм Шекспира переводились на русский, французский, немецкий языки от 5 до 10 раз.

В этом отношении, как видим, Пушкин не является исключением.

6

Обратимся теперь ко второму моменту нашей проблемы. Посмотрим, как на протяжении века оценивала зарубежная критика творчество Пушкина. Первые зарубежные высказывания о нем появились в 1823 году вместе с первыми переводами. И фон-дер-Борг в антологии на немецком языке, и Дюпре де Сен-Мор в антологии на французском языке, поместили по небольшой статейке о Пушкине. Характер таких ста-

теек в антологиях общеизвестен: несколько биографических данных, несколько слов о творчестве данного поэта вообще. Но Пушкин попал в антологию, будучи автором всего лишь двух поэм и нескольких десятков лирических стихотворений. Следовательно, о нем нельзя еще было говорить вообще, а нужно было либо ничего не говорить, либо давать конкретную оценку его поэтических первенцев. Такую оценку мы и находим у обоих авторов. Фон-дер-Борг: «Пушкин написал много лирических стихотворений, посланий и пр. Но наиболее значительными его произведениями являются две поэмы — романтическая поэма «Руслан и Людмила» в шести песнях, вышедшая в Петербурге в 1820 году, и «Кавказский пленник», Петербург 1822 год. Обе поэмы, особенно вторая, отличаются живостью изображения, восхитительными описаниями и звучным стихом. Эти поэмы выдвинули Пушкина, несмотря на его молодость, в число лучших поэтов России...»

Дюпре де Сен-Мор: «. Талант этого молодого поэта проявился уже в нескольких одах и посланиях, опубликованных в журналах. Но только его поэма в шести песнях «Руслан и Людмила» обратила на него особое внимание всех любителей изящной литературы в России. Это произведение отличается поэтическим воображением столь же блестящим, сколь богатым: оно полно острых положений и отмечено счастливым сочетанием пылкости и трезвости, юмора и чувства; но главное его достоинство — поэтический колорит. Чистота его стиля поистине удивительна у такой молодой музы».

Несомненно, обе эти довольно сходные оценки не совсем самостоятельны. В них слышен отзвук параграфа 60 из «Опыта краткой истории русской литературы» Греча¹. Гораздо более непосредственным

¹ Руководство Греча, вне всякого сомнения, долгое время являлось на Западе единственным источником для ознакомления с русской литературой и было признанным подспорьем для оценки русских литературных фактов. Что фон-дер-Борг пользовался Гречем видно из переписки Н. М. Языкова, который, живя в Дерпте, был близок с фон-дер-Боргом. В письме от 27 декабря 1822 г. к брату Языков писал: «История литературы Греча опоздала: Борг уже выписал из этой книги все для него нужное. Я нашел ее у Перевощикова». (См. «Письма Н. М. Языкова к родным», СПб, 1913, стр. 35—36).

представляется мне то впечатление от «Руслана и Людмилы», которое Сен-Мор высказывает во вступительной статье к своей антологии, где он тоже уделяет место Пушкину: «Поэма «Руслан и Людмила» является новым доказательством, что и полуночное небо в состоянии расцветать поэтическими вымыслами, украшенными всем великолепием живого и богатого воображения. Поэтические вымыслы Пушкина позволяют вспомнить об очаровании, изобретательности и пылкости Ариосто. И, читая «Людмилу», можно воскликнуть вместе с Вольтером. «Не только климат определяет нашу природу».

С этого времени имя Пушкина все чаще начинает появляться на столбцах зарубежной печати. Рецензии на переводы его произведений неизменно сопровождаются похвалами по адресу Пушкина. Примечательно в этом отношении высказывание профессора Эгена де Герля, выпустившего в 1827 году антологию русских поэтов на французском языке под названием «Русские вечера»¹. Во вступительной статье к этой антологии «Взгляд на русскую литературу» мы находим следующие строки: «Если Россия не может еще гордиться ни одним эпическим произведением, то она имеет своего Ариосто в лице Александра Пушкина, автора героико-комической поэмы «Руслан и Людмила». Эта поэма отличается блестящим вымыслом, брызжет весельем и изобретательностью, ее поэтическое богатство не уступает поэзии «Орlando Фуриозо». Перу г. Пушкина принадлежат и другие поэмы, как например «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Недавно он издал первую песнь поэмы, озаглавленной «Онегин», которая возбуждает в читателях неодолимое желание видеть скорее окончание этого произведения. А когда подумаешь, что сочинителю стольких прекрасных творений всего лишь 27 лет, сколько надежд должно родиться! Сколько обещает нам эта юная муза, множество произведений которой обращают на себя внимание творческой силой, правильностью слога и зрелостью вкуса,— качества, которые даже наиболее выдающимися поэтами приобретаются лишь в гораздо более зрелом возрасте».

¹ Les Veillées russes. Par Heguin de Guerle Paris, 1827.

Из этих первых оценок мы видим, что Пушкина сопоставляют с Ариосто. Но именно сопоставляют, а не укоряют его в подражательности. С удивлением и восхищением встретила зарубежная критика произведение русского поэта¹.

Не буду цитировать другие высказывания французской, немецкой, чешской и сербской печати этого времени. Порою более сдержанные, порою столь же восхищенные, они ничего не прибавят нам по существу. Они не давали, да и не могли еще дать исчерпывающую оценку Пушкину. Но Пушкин, как и Байрон, еще при жизни был признан гениальным поэтом. В немецкой энциклопедии 1830 года, поместившей биографию Пушкина, сказано о нем следующее: «гениальный русский поэт, слава которого широко распространена...». (Allgemeine Deutsche Real-Encyclopedie Leipzig, 1830, т. VIII, стр. 917.)

7

Когда Пушкин умер, российский министр народного просвещения Уваров распорядился, чтобы печать «поддерживала надлежащую умеренность и тон приличия в статьях по поводу кончины Пушкина». Недаром князь Одоевский жаловался в письме к А. О. Смирновой: «С Пушкиным точно то, что с Пугачевым, которого память велено было предать забвению». Обойти запрет писать о Пушкине в сочувственном тоне удалось в России, кажется, только двум газетам, а именно: «Одесскому вестнику» и французской газете в Одессе «Journal d'Odessa».

Но запрет русского министра, к его великому сожалению, не распространился на заграничную печать. И заграничная печать не обошла молчанием гибель великого русского поэта. 14 марта 1837 года Н. А. Мельгунов, живший тогда во Франкфурте, писал С. П. Шевыреву: «Ты обещаешь мне подробное известие о смерти Пушкина. Это происшествие произвело здесь сильное впечатление и в тече-

¹ Статья Герля особенно интересна потому, что в ней мы находим первое печатное высказывание иностранца о «Евгении Онегине». Первая глава «Онегина» вышла в феврале 1825 г., вторая—в октябре 1826 г. Следовательно, антология де Герля была отдана в печать 10 октября 1826 г., но появилась лишь в 1827 г.

ние двух-трех недель все газеты, немецкие и французские были им полны, так что иное, я, может быть, знаю обстоятельнее, чем вы»¹.

В это сообщение Мельгунова следует внести только одну поправку: не две-три недели, а три-четыре месяца не сходило с газетных и журнальных листов имя Пушкина.

В самом деле, Пушкин умер 10 февраля (по новому стилю), в конце февраля встречаем мы первые некрологи в заграничной печати, но еще в мае и июне продолжают появляться статьи о Пушкине. Знаменитая статья Мицкевича появилась в «Le Globe» 25 мая 1837 года.

И так было не только во Франции и Германии, но и в Англии, и в Чехии, и в других странах. Только в Голландии, по вполне понятным причинам, постарались замолчать смерть великого поэта.

В голландских газетах 1837 года были напечатаны (с 27 февраля по 20 марта) три коротеньких и одна более распространенная корреспонденция. Только в этой последней раскрыта причина дуэли, но имя Дантеса не названо. Имя убийцы Пушкина упомянуто лишь в гаагской газете, выходящей на французском языке. Зато чрезвычайно интересны для нас характеристики, данные голландскими газетами Пушкину: «Поэт Александр Пушкин, произведение которого знамениты за границей...» «Знаменитый господин Пушкин, самый выдающийся поэт России...» «Поэт Пушкин, который приобрел и за пределами своего отечества почетную известность...» (См. Н. В. Чарыков «Известия о дуэли Пушкина, имеющиеся в Голландии». «Пушкин и его современники». Вып. IX, 1909, стр. 64—78).

К сожалению, иностранные газеты 1837 года обследованы еще очень неполно, материал далеко не собран и почти не подвергался анализу. Имеется только одна брошюра М. Веневитинова, в которой сделана попытка проанализировать немецкие материалы («Некрологи Пушкина в немецких газетах 1837 года». СПб, 1900). Да еще П. Е. Щеголев в книге «Дуэль и смерть Пушкина» перепечатал с небольшим комментарием (стр. 388—396, 2-е изд. 1917 г.) 4 статьи

из французской газеты «Journal des Debats» и одну статью из английской «The Morning Chronicle».

Стоит остановиться на брошюре М. Веневитинова. Он задался целью «определить то положение, которое могла доставить Пушкину в литературе Западной Европы его слава, как русского поэта», и пришел к выводу, что «смерть великого русского писателя не произвела в Германии особенно сильного впечатления». «Немецкая литература,— пишет Веневитинов,— не имела полного понятия о всем значении Пушкина не только в объеме его европейской славы, но даже в отношении его заслуг перед Россией. Пушкин обратил в 1837 году внимание немецких газет не столько своими произведениями, сколько подробностями своей дуэли...»

Все эти утверждения М. Веневитинова от начала до конца неверны. О впечатлении, произведенном в Германии смертью Пушкина, мы имеем свидетельство Н. А. Мельгунова, которое я цитировал выше и которое, между прочим, приводил и Веневитинов. А как понимало немецкое общество 30-х годов прошлого столетия значение Пушкина «в объеме его европейской славы» видно хотя бы из донесения саксонского посланника в России барона Лютцереде своему правительству: «Ужасное событие, совершившееся три дня тому назад, глубоко потрясло всех истинно образованных людей Лейпцига. Государственный историограф (Der Historiograph des Reiches) Александр Пушкин, который достоин быть назван со смерти Гете и Байрона первым поэтом современной эпохи, пал жертвою ревности, злонамеренно доведенный до безумья». В конце своего донесения Лютцереде, называет Пушкина «одним из выдающихся умов Европы»¹.

Значение же Пушкина для России одна из немецких газет 1837 года, анализируя «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», определяет так: «Пушкин этими произведениями создал тот русский язык, которым пишут и говорят теперь, и оказал своему отечеству ту же услугу, какую французы признают за своим Малербом». («Deutsche Allgemeine Zeitung», 12 марта 1837 г.). Эта

¹ См. А. И. Кирпичников. «Между славянофилами и западниками. Н. А. Мельгунов». — в его «Очерках по истории новой русской литературы». т. II. Изд. 2-ое, 1903, стр. 171.

¹ См. Щеголев «Дуэль и смерть Пушкина», 2-е изд., стр. 373—375.

формулировка немецкой газеты была, правда, заимствована из французской статьи Лева-Веймара, опубликованной в «Journal des Debats» от 3 марта 1837 года. Но, очевидно, немецкая газета была с этой формулировкой согласна. Во всяком случае, она преподнесла ее своим читателям и, следовательно, правильно информировала их о значении Пушкина для России.

Нельзя согласиться с утверждением Веневитинова, что Пушкин обратил на себя внимание не столько своими произведениями, сколько подробностями своей дуэли. Если бы это было так, то интерес к Пушкину должен был бы скоро заглотнуть. Этого, однако, не случилось. Веневитинов основывает свои утверждения на том факте, что во всех немецких статьях, появившихся в связи со смертью Пушкина, биография поэта была перевернута и искажена. Пушкина называли то графом Мусиным-Пушкиным, то просто графом Пушкиным, путали его имя и т. д. Это верно. Пушкина возводили в графское достоинство не только в Германии, но и в других странах. И не только в 1837 году, но и значительно позже: так в Англии в 1859 году перевод «Капитанской дочки» появился с титулом «Граф Александр Л. (!) М. (!) Пушкин». То ли еще бывало с русскими именами!

Но Веневитинов не обратил внимания на другое обстоятельство: при всей путанице в бытовых чертах биографии Пушкина (далеко, однако, не во всех статьях) мы ни в одной статье 1837 года не найдем ошибки или неточности в литературной биографии Пушкина. С этой стороны Пушкина на Западе знали. Не всё еще из произведений Пушкина дошло туда, но что дошло, запомнилось прочно.

Смерть Пушкина была встречена на Западе как горестное явление, как огромная потеря для всего мира. Особенно заметно это в тоне чешской печати. Чешский поэт Людевит Штур опубликовал свой «Плач над Пушкиным» — первое иноязычное стихотворение, посвященное Пушкину:

Мало на Ваг долетело к нам с Севера
Пушкина песен,
Но заронились те песни глубоко в славянские души.
Умер поэт, но жив его дух; и жить будет
вечно
Сладостный звук его лютни на вольных просторах.

Замечательно, что не только Запад, но и Восток сейчас же откликнулся поэтически откликом на смерть поэта:

Разве ты не ведающий мира, — разве не слышал о Пушкине, главе собора поэтов?

О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять белизну свою, чтобы только перо его проводило черты по лицу ее?..

Черное облако одною градиной побило плод дерева его жизни...

Так! Не опас тебя от оков колдовства старой чаровницы (смерти) талисман твой...

Фонтан из Бахчисарая посылает праху твоему с весенним зефиром благоухание двух роз твоих.

Старец седовласый, Кавказ, отвечает на песни твои стоном в стихах Сабухия.

Это отрывки из поэмы на смерть Пушкина турецкого поэта Сабухия (Фет-Али Ахундов). В русском прозаическом переводе самого автора она появилась в «Московском наблюдателе» (1837 г. XI, стр. 397—404).

Однако, глубже и горше всех чувствовал утрату Пушкина великий польский поэт Мицкевич, живший тогда в Париже и написавший взволнованный некролог в «Le Globe»¹. «Никто не заменит Пушкина, — писал он, — только однажды дается стране воспроизвести человека, который в такой высокой степени соединяет в себе столь различные качества»².

У Мицкевича перед другими иностранными критиками было то преимущество, что он хорошо знал Пушкина лично, читал его произведения в подлиннике и сам был огромным поэтом. Потому-то он так верно оценил Пушкина, как поэта истинно-народного, потому так правильно охарактеризовал «Евгения Онегина» «лучшим и своеобразнейшим и наиболее национальным из творений Пушкина». Только «Бориса Годунова» Мицкевич не оценил до конца. «Пушкин был слишком молод для воссоздания исторических личностей, — писал он. — Он сделал опыт драмы, но опыт, который доказывает, чего бы он мог достигнуть со временем: Et tu Shakespeare eris si fata sinant».³

¹ Из других значительных статей во французской печати нужно выделить статью Лева-Веймара, упоминающую выше, и статью за подписью G. Lam... в газете «Temps».

² Цитирую по переводу кн. Вяземского «Р. архив», 1873, кн. 6, стр. 1057—1088.

³ И ты будешь Шекспиром, если судьба допустит.

Очевидно, Мицкевич считал, что Пушкин не совсем справился с характерами своей драмы. Как увидим, с этим несколько позднее не согласилась немецкая критика. Однако, не приняв «Бориса Годунова» в целом, Мицкевич правильно оценил его самобытность: «Борис Годунов» содержит в себе подробности и даже сцены изумительной красоты. Особенно пролог кажется мне столь самобытным и величественным, что, не обинуясь, признаю его единственным в своем роде»

Нельзя не отметить и той общей оценки, которую дал Мицкевич Пушкину в своей статье: «Если бы не существовало творений английского поэта (Байрона — В. Н.), Пушкин был бы провозглашен первым поэтом своей эпохи».

Таким образом, польский поэт раньше всех выдвинул проблему о мировом значении Пушкина.

8

Русская критика двадцатых и тридцатых годов не только не могла поставить вопрос о мировом значении Пушкина, но даже не могла бесповоротно решить вопрос о самобытности своего величайшего поэта. Ярлык байрониста, привешенный к Пушкину, преследовал его при жизни, продолжая преследовать и после смерти. Отдельные робкие попытки сорвать этот ярлык, например, в статье Ивана Киреевского («Нечто о характере поэзии Пушкина», 1828 г.), почти не имели резонанса. Да и позднее, уже после статей Белинского и высказываний Герцена и Огарева, отрицательно решивших вопрос о байронизме Пушкина, русская критика все еще продолжала иметь суждение в этом вопросе по методу «с одной стороны нельзя не признаться, с другой стороны нельзя не сознаться». Когда же этим вопросом занялись историки литературы, он получил совершенно своеобразное разрешение: если исследователь снимал с Пушкина ярлык байрониста, он немедленно навешивал ему какой-нибудь другой ярлык. Так, Сиповский, почти целиком отрицая влияние Байрона на Пушкина, чуть ли не сделал его «шатобрианистом» (В. В. Сиповский «Пушкин, Байрон и Шатобриан», СПб, 1899 г.). Но если так обстояло дело в России, что же должны мы были встретить на Западе, тем более в первой трети XIX века, когда отно-

шение к русской литературе было еще в достаточной мере скептическое. Оказывается, что как раз на Западе и уже в конце тридцатых годов мы находим первое и решительное утверждение самобытности и оригинальности нашего поэта. В 1838 году появилась большая статья о Пушкине известного немецкого критика Фарнгагена фон-Энзе («Jahrbucher für wissenschaftliche Kritik», октябрь, 1838 г.)¹.

Статья эта была не поверхностной компиляцией чужих мнений и взглядов; она явилась плодом собственных серьезных раздумий над Пушкиным. Для этого, чтобы лучше понимать русского поэта, Фарнгаген изучал русский язык и читал Пушкина в подлиннике. Он был знаком с творчеством поэта в полном объеме, вместе с тем он являлся одним из лучших знатоков всех европейских литератур. Вот почему его мнение о Пушкине приобретало особый интерес и особую внушительность².

¹ До появления статьи Фарнгагена в Германии вышли в 1837 г. две книги, специально посвященные русской литературе и, конечно, уделявшие место Пушкину. Я не останавливаюсь на них только потому, что обе они были в сущности переложением русских источников. Так книгу Кенига «Literarische Bilder aus Russland» составил упоминавшийся выше Н. А. Мельгунов, а книга Отто «Lehrbuch der russischen Literatur» была не чем иным, как переводом все того же «Опыта» Греча с небольшими добавлениями из русских же журнальных статей. Стоит отметить, что в книге Кенига был приложен портрет Пушкина — первый появившийся за границей портрет (гравюра Уткина).

² Один из берлинских корреспондентов В. Ф. Одоевского — Я. М. Неверов писал ему в ноябре 1838 года: «Обратили ли вы внимание на статью Фарнгагена о Пушкине?.. Она возбудила здесь живой интерес как содержанием своим, так в особенности именем Фарнгагена, и русская литература наряду с современными политическими вопросами составляла на несколько недель предмет общего разговора». («Русская старина», 1904, т. 119, стр. 157).

Статья Фарнгагена вошла позднее в собрание его сочинений (т. 5, 1843). На русском языке она была напечатана в «Сыне отечества» (1839, т. VII, № 1) и в «Отечественных записках» (1839, т. IV, приложение). Она должна была появиться также в «Московском наблюдателе» в 1839 году, но была запрещена цензурой. Зелинский перепечатал ее в своем своде критической литературы о Пушкине, (т. IV, изд. 2, 1902, стр. 105—126). В сборнике Покровского «А. С. Пушкин, его жизнь и сочинения» помещены три отрывка из нее (стр. 176—179, 290—293 и 621—628).

Интересно, что немецкий критик считал прежде всего необходимым защитить русского поэта от русской критики. «Русские сами,— пишет Фарнгаген-фон-Энзе,— по скромности или из осторожности, называют Пушкина нередко подражателем. Такое определение кажется мне очень несправедливым. Правда, мы находим иногда у Пушкина что-то, напоминающее Байрона. Его поэзия часто кажется подражанием, но на самом деле это не так. Она всегда рождается из собственного духа, даже в тех случаях, когда отдельные ее элементы не являются собственным изобретением. Как океан, куда вливаются воды всех стран, так и запас образов, накопившихся в продолжении веков, есть общее достояние, пользоваться которым могут все, присваивая себе то, что пригодно или нравится¹. Вся сокровищница литературных образов переходит в общую поэтическую атмосферу и растворяется в ней, мы дышим ею, как свободным воздухом; она становится материалом и составной частью новых поэтических созданий, но можно ли их называть подражанием из-за того, что мы ощущаем в них воздух. Только дух, один только дух позволяет решить здесь, кто является свободным повелителем и кто — рабским подражателем. Что Пушкин поэт оригинальный, поэт самобытный, явствует непосредственно из впечатления, производимого его поэзией. Он мог заимствовать ту или иную форму, он мог становиться на пути, до него еще проложенные; но жизнь, вызванная им,— жизнь совершенно новая».

«И если,— продолжает Фарнгаген,— читая Пушкина, мы вспоминаем порой Байрона, Шиллера или их предшественников,— Шекспира и Ариосто, то что из этого следует? Только то, с кем мы можем сравнить Пушкина, а вовсе не то, от кого мы должны его производить».

Из всего этого следует, что Фарнгаген-фон-Энзе поставил Пушкина в ряд величайших мировых поэтов. А дальше он точно

и четко сформулировал, в чем собственно состоит мировое значение Пушкина. Он указал, что поэзия Пушкина прежде всего глубоко национальна и народна, ибо служит верным и всесторонним отражением полноты русской жизни. Вместе с тем, его поэзия отражает господствующие умонастроения эпохи, выразителями которых являлись и Байрон и Шиллер: «В ней тот же разлад мечты с действительностью, та же тоска, та же печаль по утраченном и грусть по недостижимом счастье». Но есть в ней одно свойство, которое поднимает его над его великими современниками: «Он живым образом слил все исчисленные качества с их решительной противоположностью, именно со свежою, духовною гармонией, которая, как яркое сияние солнца, пронизывает его поэзию и всегда, при самых мрачных ощущениях, при самом страшном отчаянии, подает утешение и надежду».

В этом отношении Фарнгаген-фон-Энзе находит возможным сравнивать Пушкина только с Гете.

Два полюса человеческого духа, нашедшие свое полное выражение в таких гигантах, как Гете и Байрон, органически сливаются, синтезируются в Пушкине. Вот в чем, по Фарнгагену-фон-Энзе, мировое значение великого русского поэта.

Подвергнув анализу все произведения Пушкина (кроме прозы), немецкий критик особенно выделил «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и лирику. «Евгения Онегина» он назвал «вещью, ни с чем не сравнимую, читая которую вы должны сказать, что здесь перед вами Пушкин и только Пушкин». Кто захотел бы привести для сравнения «Чайльд-Гарольда» Байрона, тот был бы обманут внешним сходством, как и тот, например, кто попытался бы сравнить «Германа и Доротею» Гете с «Луизой» Фосса.

Исключительно высокую оценку дал Фарнгаген-фон-Энзе «Борису Годунову».

Как известно, «Борис Годунов» был любимым детищем Пушкина. Поэт явно гордился своим созданием. Получив позволение царя напечатать драму, Пушкин писал Плетневу: «Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Александру Пушкину, являясь перед Россией с «Борисом Годуновым», заговорить о Фаддее Булгарине».

¹ Эта точка зрения Фарнгагена перекликается с некоторыми высказываниями Гете, который, как известно, упрекал Байрона за то, что он недостаточно резко отвечал на обвинения его в плагиате. По мнению Гете, Байрон должен был заявить: «То, что здесь — мое, и не все ли равно, взял ли я его из жизни или из книг». В другом месте Гете говорит: «Величайший из гениев недалеко бы ушел, если бы вздумал всего ожидать только от самого себя».

Пушкин хорошо понимал значение созданной им вещи. Но современная Пушкину критика этого значения не поняла. Фельетон Надеждина («Телескоп», 1831, № 4) четко отражает, как поняла и приняла русская критика драму Пушкина: «Ни комедия, ни трагедия, ни чорт знает что... В этой связке разговоров нет никакой целостности...»

Понятно, почему Пушкин так ждал перевода своей драмы и «суда немцев» над нею. Каков же был суд Фарнгагена-фон-Энзе?

«В «Борисе Годунове», — писал он, — единство действия всегда строго сохранено и органически связует части в одно целое. План, ход и развитие истинно-драматические: впечатление, производимое целым, также имеет совершенно драматический характер... Распределение сцен и диалогов можно назвать в высшей степени мастерским. Обрисовка характеров столь же зрела, сколь разнообразна... Это разнообразие и вместе с тем законченность и типичность каждого отдельного образа показывают, что Пушкин — истинный драматург.

Особенно удивительно при этом та скупость средств, которыми Пушкин достигает своей цели. Здесь он непревзойденный мастер: все у него скато и ярко, целеустремленно и быстро, ничего лишнего, ничего растянутаго».

Таково суждение о формальной стороне драмы. Что же касается существа ее, то, по мнению Фарнгагена-фон-Энзе, уже сама постановка трагической проблемы в «Борисе Годунове» доказывает всю глубину гения Пушкина.

Но самые восторженные слова нашел критик, говоря о лирике Пушкина. «Здесь, — говорит он, — Пушкин является полным властелином в необозримом могуществе; здесь сверкают самые яркие вспышки того пламени, которое горело в тайниках его души. С первого взгляда ясно, что все воплощаемые им ощущения были пережиты им, что они — или выражение переворотов судьбы, или страдание и грусть мужественного сердца, или бодрость и надежда сильной души. В веянии этих ощущений дышит сам поэт, дышат его соотечественники, его современники; он отыскивает в их груди самые сокровенные струны, настраивает эти струны и ударяет по ним. Волнения, которые темно и болезненно движутся и борются внутри, освобождаются очарованием его выражения

и вырываются на свет, радостные и сияющие. Как глубоко, как могущественно вскрыл Пушкин в своих песнях сердце своего народа, видно из того, что эти песни проникли во все уголки России, что они перелетают там из уст в уста и везде возбуждают восторг и вдохновение. Мало того, что они вполне удовлетворяют лирическому чувству народа, они еще возвышают его требованием и умножают его богатства поэтическим сокровищем; неистощимо это сокровище: расточая его, не уменьшаешь, а увеличиваешь его богатство».

И, заключая свою статью, Фарнгаген-фон-Энзе восклицает: «Одной песни Пушкина достаточно, чтобы русская поэзия смело поставила себя в ряд со всякой другой поэзией, достигшей высочайших ступеней развития».

Это было, между прочим, первое признание, что русская литература вошла полноправным членом во всемирную литературу. И этим она была обязана Пушкину.

9

Статья Фарнгагена-фон-Энзе не прошла бесследно¹. Она вызвала ряд отголосков. Я склонен думать, что она способствовала увеличению числа переводов из Пушкина и тем самым расширила и укрепила знакомство европейского читателя с его произведениями. Не следует думать, однако, что вся западно-европейская критика решала вопрос о значении Пушкина в полном единомыслии с Фарнгагеном-фон-Энзе. Общее презрительное отношение к русской культуре вообще и к литературе в частности, продолжавшее жить в некоторых кругах, по инерции переносилось и на Пушкина. Характерный образчик этой инерции мы находим в высказывании некоего маркиза де Кюстина, побывавшего в 1839 году в России и оставившего записки об этом путешествии, изданные в 1843 году². В третьем томе этих записок Кюстин рассказывает о дуэли Пушкина и так раскрывает свое отношение к нему: «Превозносят его стиль,

¹ Статья Фарнгагена имела значение не только для Западной Европы. Она произвела впечатление и в России. Недаром, она была дважды переведена на русский язык в 1839 году.

² La Russie en 1839 par le marquis de Custine Paris, 1843. 4 тома.

но добиться такого признания легко человеку, родившемуся в некультурной стране, в эпоху всеобщей утонченной цивилизации. Ему достаточно только собирать чувства и мысли, произрастающие у соседних наций, и он уже будет казаться оригинальным у себя дома. Он хозяин своего языка, потому что язык этот не имеет устоев; и, чтобы составить эпоху у такого невежественного народа, окруженного просвещенными нациями, этому писателю нужно только переводить, не затрудняя себя собственными мыслями. Подражатель, и только подражатель, он будет расцениваться как создатель».

Можно было бы не обратить внимания на разглагольствования путешествующего маркиза. Но, повторяю, этот образец характерен для некоторых иностранных кругов того времени в их отношении к России вообще. Подобное высокомерие, переносимое на Пушкина, мы встречаем и у некоторых критиков. Однако, с полной уверенностью можно сказать, что таких критиков было уже явное меньшинство, и не они создавали тон.

Сороковые и пятидесятые годы прошли, в общем, под знаком высокого внимания к Пушкину и высокой оценки его значения. Во Франции продолжал поднимать его имя на щит Мицкевич. Он много говорил о Пушкине в лекциях, читанных в 1840 году в Collège de France¹. Обращает на себя внимание оценка, данная им прозе Пушкина: «Его проза изумительной красоты. Она беспрестанно и неприметно меняет краски и приемы свои. С высоты оды снисходит до эпиграммы, и среди подобного разнообразия встречаешь сцены, достигающие эпического величия».

Это было, кажется, первое на Западе авторитетное слово о пушкинской прозе, и оно, быть может, в немалой степени способствовало прорыву той блокады, которую проводил Булгарин, не пуская в Европу сочинения «неблагонадежного сочинителя».

Критика сороковых и пятидесятых годов все внимательнее и глубже начинает вглядываться в творчество Пушкина. Эта углубленность отразилась прежде всего в оценке

самого творческого метода поэта. Если критика двадцатых и тридцатых годов, за исключением одного, пожалуй, Фарнгагена-фон-Энзе, почти безоговорочно причисляла Пушкина к лику романтиков, то в рассматриваемую эпоху романтизм почти уже не связывается с именем Пушкина; его творчество определяется теперь как реализм. Именно это и позволило ряду критиков не только отрицать зависимость Пушкина от Байрона, но и поставить русского поэта выше английского.

«В своих произведениях,— писал немецкий критик Вольфзон (1843)¹— Пушкин оставил России драгоценное наследство, на которое она может смотреть с чувством гордости и удовлетворения, нисколько не завидя поэтическим сокровищам других народов». Основной аргумент для подобного утверждения Вольфзон находит в том, что «произведения Пушкина отмечены редкой жизненной правдой заключающихся в них образов».

Еще более четко сформулировано это положение в статье французского журнала *Illustration* (1845):² «Редкий поэт обладал таким живым чувством действительности и такой способностью воспроизведения реальной жизни».

Эта черта творчества Пушкина позволит автору статьи выразить убеждение, что «Пушкин бесспорно делается достоянием всего читающего мира, и его прекрасные произведения, как «Евгений Онегин» и прозаические повести, особенно «Капитанская дочка», завоюют симпатии французской публики и внушат ей любовь к этому истинному, самобытному, блестящему, поэтическому таланту». Как мы видели раньше, надежды французского критика полностью оправдались, и особенно, как раз, в отношении «Капитанской дочки».

Известный французский критик Сен-Жюльен в 1847 году посвятил русскому поэту обширную статью. «Пушкин и литературное движение в России за последние 40 лет»³. Эта статья необычайно интересна и сейчас еще поучительна для многих критиков. Сен-Жюльен подчеркнул глубину

¹ Лекции Мицкевича имели резонанс и в Германии. Все, что говорилось в них о Пушкине, было перепечатано в 1843 г. в журнале «Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft».

¹ Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen». Leipzig, 1843.

² Статья эта не подписана.

³ «Revue des Deux Mondes», 1847, т. XX.

и многообразие творчества Пушкина. Он указал, что далеко не все постигли эту глубину и многообразие. Те, кто видели в Пушкине только национального поэта, проглядели «космополитические элементы его поэзии». Те же, кому бросились в глаза только эти космополитические элементы, не заметили за ними национальной основы пушкинского творчества. Такая односторонность и позволила этой второй категории критиков говорить о подражательном характере поэзии Пушкина. Опровергая этот взгляд, Сен-Жюльен заявил, что само миропонимание Пушкина резко отличает его от всех тех, кого ему хотят навязать в образцы. И он поставил Пушкина выше всех его западно-европейских современников, ибо их творчество страдает от условностей и доктринерства, а творчество Пушкина проникнуто полнотой жизни и правды. Как можно говорить о подражании Пушкина Байрону, пишет Сен-Жюльен, когда английский поэт рисовал только образы, созданные его фантазией, а Пушкин претворял в образы реальную жизнь. Этой реальностью отличаются и все исторические образы, созданные Пушкиным, что особенно подчеркивает мощь его поэтического гения. Сен-Жюльену ясно мировое значение Пушкина, но не менее ясна ему и та роль, которую сыграл Пушкин в развитии русской литературы. «Русская литература, — пишет он, — обязана Пушкину возвращением на путь народности и самобытности, утраченной в период подражания западным образцам. Пушкин создал школу, из которой вышла вся позднейшая русская литература, литература реализма».

К точке зрения Сен-Жюльена отчасти примыкает Фридрих Боденштедт, поместивший в третьем томе своих переводов из Пушкина (1855 г.) обширную биографическую и критическую статью о нем. Боденштедт, признавая некоторое влияние Байрона на Пушкина раннего периода, считал это влияние скорей губительным¹ (verderblich), чем плодотворным. По существу же он противопоставлял Пушкина Байрону, утверждая, что английский поэт превосходит Пушкина силой фантазии, но уступает

ему в естественности и правдивости изображения. «Впрочем, — резюмирует Боденштедт, — что бы ни говорили о поэтических произведениях Пушкина, с какой бы стороны их ни обсуждали, в одном должны согласиться все: каждое его произведение выполняет благороднейшую задачу поэзии — отобразить в художественной форме кусок человеческой жизни». Это была прекрасная формула реалистического искусства и она целиком распространялась на Пушкина.

В предисловии к первому тому своих переводов Боденштедт сравнивает роль Пушкина в России с ролью Гете в Германии и подчеркивает, что поэзия Пушкина в высшей степени народна, но вместе с тем близка и понятна каждому иностранцу. Особенно высоко ставит он «Евгения Онегича», которого он сравнивает по значению с «Фаустом» Гете и которого ставит «в ряд величайших поэтических творений всех времен и всех народов» (стр. XI—XIV).

В связи с Боденштедтом я остановлюсь на статье лондонской газеты «Atheneum» (15 марта 1855 г.). Это была одна из многочисленных статей, вызванных появлением трехтомника Боденштедта. Отдав дань удивления своеобразию «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», автор английской статьи замечает: «Нет ничего нелепее пустой фразы, которую бросаются иные сверхумные критики, заявляя, что творчество Пушкина есть лишь подражание байроновскому. Конечно, британская муза оказала известное вдохновляющее влияние на русского поэта, но самобытность его лучших произведений должна быть ясна каждому».

Заметной работой о Пушкине является статья В. Ч. Бендля, опубликованная в «Casopis Ceskeho Musea» в 1854 году. О Пушкине в Чехии много писали и раньше, но это была первая статья, претендующая на известную самостоятельность. Сам Бендль много переводил из Пушкина. Его переводы, значительно уступая по качеству немецким переводам Боденштедта, сыграли однако в деле ознакомления чехов с Пушкиным такую же роль, как и боденштедтовские

¹ Интересно, что в этом мнении Боденштедт целиком совпадает с Мицкевичем. В некрологе 1837 г. Мицкевич, отметив благородное влия-

ние поэзии Жуковского на юного Пушкина, с сожалением замечал: «Но Байрон слишком рано похитил его из этой хорошей школы и увлек в фантастические пустыни и пещеры романтизма».

в Германии. Бендль необычайно высоко ценил формальное мастерство Пушкина. И этому вопросу он уделяет много места в своей статье. Не обинуясь, он утверждает, что совершенством формы Пушкин превосходит Байрона. А совершенство пушкинской формы Бендль увидел в необычайной ее простоте и в скупости изобразительных приемов, создающих тем не менее огромное впечатление.

В сущности, Бендль не первый поднял вопрос об этой стороне пушкинского творчества. Как мы видели, Фарнгаген-фон-Энзе тоже удивлялся скупости средств, которыми Пушкин добивается своей цели; касались этого вопроса и другие. Но исключительное внимание ему и вообще вопросам пушкинского стиля посвятил Проспер Мери́ме, который, подобно Фарнгагену-фон-Энзе, изучал русский язык, чтобы читать Пушкина в подлиннике. Статья Проспера Мери́ме о Пушкине появилась в 1868 году¹. Статья эта не очень велика по объему, но она результат более чем двадцатипятилетней работы над Пушкиным.

По собственному признанию Мери́ме (в письмах к Лагрэнэ), Пушкина открыл ему С. А. Соболевский, который познакомился с Мери́ме в свой первый приезд в Париж в 1829 году. Но можно думать, что и до знакомства с Соболевским Мери́ме уже слышал о Пушкине в салоне Ансло. В этом салоне разговоры о Пушкине несомненно были, ибо супруги Ансло в 1826 году побывали в России, и Жак Ансло в своей книге об этом путешествии (Париж, 1827) опубликовал перевод пушкинского «Кинжала»².

Однако, роль Соболевского, как первого руководителя Мери́ме в изучении Пушкина, не подлежит сомнению. Это убедительно вскрывает работа А. К. Виноградова «Мери́ме в письмах к Соболевскому». (М. 1928.) Но в этой работе есть одно странное недоразумение. Из нее приходится сделать вы-

вод, что Мери́ме, заинтересовавшись Пушкиным из рассказов Соболевского, стал сначала изучать русский язык и, только овладев им в достаточной мере, приступил к чтению Пушкина сразу по-русски. Для А. К. Виноградова в этом нет сомнения. Он уверен, что Мери́ме и не мог познакомиться с творчеством Пушкина в переводах, ибо таковых, по его мнению, и не было. Вот что утверждает А. К. Виноградов: «15 июля 1849 года в № 11 «Revue des Deux Mondes» выходит первый перевод Пушкина на французский язык (если не считать ненапечатанного перевода «На выздоровление Лукулла», сделанного Жобаром), сделанный по совету Соболевского: «La dame de pique» (стр. 97).

Это свое утверждение А. К. Виноградов основывает на одном факте, который он заимствует из книги Шамбона «Notes sur Prosper Mérimée» (1902): «25 февраля 1849 года в № 11 «Revue des Deux Mondes» кинсе с Ламартином на обеде у Биксио... Тут присутствуют Делакура, Мейербер и Скриб, который под влиянием этого разговора написал драматический этюд «Пиковая дама». Ламартин объявил, что он читал Пушкина, а Мери́ме с торжеством ловит Ламартина на том, что Пушкин ни разу не был переведен на французский язык».

Но к 1849 году во Франции имелось уже 28 переводов крупных вещей Пушкина, как в журналах, так и в отдельных изданиях, не считая нескольких десятков переведенных стихотворений¹. В 1847 году появился двухтомник Дюпона, о котором я говорил уже в своем месте. А по поводу этого двухтомника появилась обширная статья Сен-Жюльена как раз в «Revue des Deux Mondes» — журнал, к которому Мери́ме стоял очень близко.

Очевидно, Мери́ме не мог сделать приписанного ему Шамбоном (а за ним Виноградовым) утверждения. Я нисколько не сомневаюсь, что указанный спор между Мери́ме и Ламартином действительно имел место. Но из того обстоятельства, что Мери́ме в это время заканчивал или закончил свой перевод «Пиковой дамы», и что Скриб, как

¹ «Alexandre Pouchkine». — *Moniteur Universel*, 1868, январь. Позднее эта статья перепечатывалась во всех изданиях его «Portraits historiques et littéraires».

² Не нужно забывать при этом, что в 1826 году в Париже вышел «Бахчисарайский фонтан» в переводе Шопена, вызвавший панегирическую статью Нёгау в «Revue encyclopédique». Таким образом, материала для разговоров о Пушкине было достаточно.

¹ В числе этих 28 переводов было уже 5 переводов «Бахчисарайского фонтана» и 3 перевода «Цыган». Не переведенными оставались еще только «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Барышня-крестьянка» и Капитанская дочка».

указывает Шамбон, написал, под влиянием имевшего место разговора, драматический этюд «Пиковая дама»¹, — можно предположить, что именно о «Пиковой даме», главным образом, и шел разговор. И вот о том, что «Пиковая дама» ни разу не была переведена на французский язык, Мериме мог утверждать, хотя «Пиковая дама» и появилась на французском языке в 1843 году. Дело в том, что «Пиковая дама», переведенная Жюльвекуром, была выпущена им без имени Пушкина вместе с повестью Павлова «Ятаган» под общим названием «Le Jatagan par Paul Julvecourt». И, конечно, в таком издании ее легко мог не заметить даже страстный почитатель Пушкина Проспер Мериме.

Я вынужден был задержаться на попытке объяснить эту путаницу, внесенную Шамбоном, хотя и без того ясно, что если Соболевский открыл Мериме Пушкина, то этот же Соболевский должен был открыть ему и ряд переводов из Пушкина, о существовании которых он безусловно знал.

Так или иначе, но Мериме начал свое знакомство с творчеством Пушкина несомненно по переводам и чтению этих плохих переводов, за которыми можно было только угадывать величие русского поэта, может быть, больше, чем что-либо другое, побудило Мериме изучить русский язык. Судя по русским письмам Мериме, можно думать, что только в начале сороковых годов он начал с грехом пополам разбирать Пушкина в подлиннике, но к этому времени «Цыганы» уже прочно сидели у него в голове. «Цыганы» были его «первой любовью» к Пушкину, и он на всю жизнь остался верен любви «В конечном счете верхом гениальности и мастерства мне кажутся «Цыганы», — писал он Соболевскому 31 августа 1849 года.

Великая любовь к Пушкину заставила Мериме приняться за переводы из него. Он начал, по совету Соболевского, с «Пиковой дамы», которую и сам считал шедевром мировой прозы. Благодаря его переводу (1849 г.) «Пиковая дама» прочно вошла в сознание французского читателя. Об этом говорит хотя бы признание Марселя Прево,

¹ Скриб написал, собственно говоря, либретто для оперы на тему «Пиковая дама».

сделанное пятьдесят лет спустя, в юбилейные дни 1899 года:

«On jouait chez Naroumof lieutenant aux gardes à cheval.» — Эти слова, которыми начинается «Пиковая дама» в переводе Мериме, всплывают в моей памяти каждый раз, когда при мне произносят имя Пушкина»¹.

Не менее интересное доказательство усвоения или, если хотите, уже присвоения новеллы Пушкина французской литературой мы находим в следующем факте. Французский романист Эмануэль Гонзалес, посвящая свой роман «Русская княгиня» (1865) Просперу Мериме, написал в посвящении следующее: «Господину Просперу Мериме, автору «Коломбы» и «Пиковой дамы». — Это, действительно, присвоение. Но, если такой замечательный мастер, как Проспер Мериме, связывался в представлении его французского собрата по перу не с «Кармен», а с «Пиковой дамой», это, по-моему, блестящий показатель силы впечатления, произведенного новеллой Пушкина во Франции.

После «Пиковой дамы» Мериме принялся за «Цыган». Перевести их для Мериме было труднее. Он был убежден, что переводить стихи «поштой прозой» (по его выражению) невозможно, но другого пути для него не было, и желая во что бы то ни стало дать французскому читателю хотя бы неполное представление о красоте очаровавшей его поэмы, он все же решил перевести ее, тем более, что традиция переводить стихи прозой была вообще усвоена во Франции»².

И вот это практическое столкновение пушкинского стиха с французской художественной прозой привело Мериме к выводам, которые он позднее изложил в упомянутой статье: «Невозможно, — говорит Мериме, — передать на французский язык, даже приблизительно сжатость содержания стихов Пушкина. Его образы всегда жизненные и правдивые, никогда не страдают

¹ См. E. Sémenoff «Alexandre Pouchkine» Paris, 1899, стр. 36. В этой работе собраны высказывания французских писателей о Пушкине в связи с юбилейными днями 1899 года.

² Из рукописей Мериме видно, сколько труда положил он на этот перевод. См. интересную статью M. Parturier Etudes Mériméennes. Un manuscrit des «Bohémiens» (Bulletin du bibliophile, 20 мая 1933 г., стр. 198—205.

распространенностью, скорее они скуты. Экспозиция поэмы — описание местоположения, изображение быта цыган — занимает всего 17 стихов, а между тем, чего же недостает картине?!»¹

Эта сжатость содержания, тщательность отбора деталей дает Мериме повод для сравнения Пушкина с Байроном, причем сравнение это оказалось не в пользу английского поэта: «Байрон никогда не удаивал сортировки идей, толпившихся у него в воображении. Он комментирует сам себя и, так сказать, делает нас свидетелями своей писательской работы, вместо того чтобы представить нам результаты ее. Напротив: Пушкин одинаково сжат как в форме, так и в содержании, и каждый стих его есть плод глубокого обдумывания. Подобно гомеровскому стрелку, он долго выбирает в колчане прямую и острую стрелу, но зато эта стрела всегда попадает в цель».

Мериме поставил Пушкина в ряд величайших художников всех времен и народов. По его мироощущению он назвал его последним эллином Европы, но он не нашел, с кем сравнить его по силе воздействия его поэзии на человеческие сердца.

10

Во все последующие годы² и вплоть до наших дней Пушкин продолжает привле-

¹ Любопытно отметить, что это говорит представитель классической французской прозы, отличительной чертой которой как раз и является искусство быть кратким (*l'art d'être bref*). Вместе с тем интересно, что взгляд французского прозаика целиком совпадает со взглядом Гоголя на эту сторону пушкинского творчества: «Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означать весь предмет. Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина» («Арабески. Несколько слов о Пушкине»).

² Восемьдесятые и девяностые годы особенно обильны литературой о Пушкине, что было вызвано юбилейными датами 1880, 1887 и 1899. Именно в это время имя Пушкина начинает появляться в таких странах, как Бельгия, Венгрия, Испания и другие. Всех иностранных работ о Пушкине насчитывается свыше 1000 названий. К сожалению, полной и объединенной библиографии этих работ у нас еще не имеется.

кать внимание западно-европейской критики. Нет возможности охватить здесь даже в самых кратких чертах всю литературу о Пушкине. Приведу лишь несколько примеров, иллюстрирующих восприятие Пушкина последующими поколениями западно-европейской критики.

В связи с открытием памятника Пушкину в Москве в венгерской газете «Pester Lloyd» (1 июня 1880 г.) появилась обширная статья, посвященная Пушкину. Пушкина в Венгрии начали переводить только в шестидесятых годах, и к 1880 году из крупных его вещей были переведены лишь «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Метель», да «Барышня-крестьянка». Знакомство с Пушкиным шло в Венгрии главным образом по немецким переводам. Автор упомянутой статьи с сожалением отмечает, что Пушкин так мало известен в Венгрии. Он упрекает в этом отношении и другие страны, где значение Пушкина признано и оценено только в узких литературных сферах. «А Пушкин, — говорит он, — по своему значению должен стать достоянием всех образованных народов».

Подробно рассмотрев все произведения русского поэта, автор приходит к заключению, что творчество Пушкина исключительно самобытно и оригинально. «В самой национальной самобытности Пушкина, — пишет он, — таится для нерусских его великое значение, не говоря уже о том общеевропейском интересе, который представляет его творчество». Общеевропейское значение, заложенное в творчестве Пушкина, позволяет автору статьи возвести русского поэта на недостижимую высоту. «Ни одна литература, — утверждает он, — не может похвалиться личностью, подобной Пушкину, даже в многосторонней германской литературе нет поэта, который мог бы сравниться с ним».

В том же 1880 году появилась книга немецкого критика и публициста И. Гоннегера, посвященная специально русской литературе и русской культуре¹. Книга Гоннегера очень тенденциозна, ибо автор ее не отличался особыми симпатиями к России. Гоннегер упрекал русское общество в ду-

¹ Russische Literatur und Kultur. Ein Beitrag zur Geschichte und Kritik desselben Von J. J. Honneger Leipzig, 1880 — Пушкину посвящены стр. 176—198.

ховной пустоте, проистекающей от неорганического перенимания чужой культуры и забвения собственной. Такое положение делало, по мнению Гонеггера, большинство русских писателей беспочвенными и мало содержательными. И только Пушкина резко выделил Гонеггер, ибо Пушкин, по его мнению, умел придать русской жизни действительно национальное содержание и внутренний смысл. Поэтому Пушкин — величайший русский поэт. Но поскольку он, высоко владея поэтической формой, является в то же время зачинателем нового, не только для России, но и для всей Европы, поэтического течения, — он принадлежит не только русской, но и всемирной литературе. Под новым литературным течением Гонеггер разумет реализм.

Несколько иначе подошел к оценке Пушкина Е. Цабель, немецкий критик, стоявший на совершенно иных позициях по отношению к России, чем Гонеггер. Его книга «Литературные прогулки по России»¹ преисполнена глубочайшего уважения к русской литературе. Он негодует против тех, кто продолжает рассматривать русскую литературу как литературу второго ранга: русская литература давно уже заняла важное место в литературе мировой. Новая русская литература, по мнению Цабеля, начала складываться под влиянием немецкого романтизма. Гениальнейшими представителями романтической школы в России были Пушкин и Лермонтов. Подобно многим поэтам других стран, они испытали на себе влияние Байрона. Но, в отличие от других, это влияние не поработило их, они преодолели его и, оставаясь национально-самобытными, вошли в ряд великих европейских мастеров слова.

Но, причисляя Пушкина и Лермонтова к романтикам, Цабель все же усматривает в их творчестве зерно того нового литературного течения, которое оплодотворило литературу Европы, и величайшим представителем которого, по его мнению, был гроссмейстер реализма Гоголь.

В восьмидесятых и девяностых годах особенно много работ было посвящено Пушкину в Чехии и Польше. В Польше происходил жаркий спор о байронизме Пушкина, о взаимоотношениях Пушкина и Мицкеви-

ча. Зачинщиками этого спора были Спасович, Третьяк и профессор Ягеллонского университета Эдзеховский. В работе последнего «Байрон и его век» (том 2-й, 1897 г.) обращает на себя внимание восторженное отношение автора к лирике Пушкина. Имя Пушкина, говорит Эдзеховский, это синоним света, красоты и высокой прелести. Очарование его лирики насильно проникает в душу, наполняет ее цветами самой чистой красоты. Но она неуловима, эта красота, можно только почувствовать ее и молча ею восхищаться. Это очарование пушкинской лирики Эдзеховский объясняет тем, что поэзия Пушкина, отражая в себе боли и радости людские, сумела стать на рубеже между холодным объективизмом Гете и страстным субъективизмом романтиков — Байрона, Мицкевича и др. — объяснение, заставляющее вспоминать взгляд Фарнгагена-фон-Энзе на значение Пушкина.

Столетие со дня рождения Пушкина, отмеченное в России, нашло широкий отклик и за границей¹. Золя назвал пушкинские дни 1899 года праздником всей цивилизации. Около трех месяцев имя Пушкина не сходило со столбцов, зарубежной печати. В одной только Германии появилось свыше 50 статей, посвященных Пушкину, около 40 статей появилось в Чехии, свыше 30 во Франции и т. д. Приходится с сожалением констатировать, что и этот материал, как и газетный материал 1837 года, не собран полностью и не описан. Исключение опять составляет немецкий материал, частично описанный М. Веневитиновым в брошюре «Немцы о Пушкине в 1899 г.»².

¹ Я не остановился на ряде «Историй всеобщей литературы», появившихся в Германии в девяностых и девяностых годах, хотя все эти работы уделали место Пушкину. Нужно сказать, что большинство этих работ, призванных давать наиболее отстоявшиеся точки зрения, мало удовлетворительны. Больше других заслуживает внимания работа О. Лайкснера «Geschichte den fremden Litteraturen». Leipzig, 1898. Упомяну, между прочим, что первую оценку Пушкина в «Истории всемирной литературы» мы встречаем у Грессе в его «Handbuch der allgemeinen Litteraturgeschichte», 1850 г. Коснулся Пушкина и Шерр в известной своей «Истории всемирной литературы», появившейся в шестидесятых годах.

² Описание М. Веневитинова охватывает лишь коллекцию вырезок, (числом 90) из немецких газет, собранную М. П. Щепкиным и подаренную им в Публичную библиотеку. До

¹ Literarische Streifzüge durch Russland. Von Eugen Zabel. Berlin, 1885.

Европейская печать сплела Пушкину огромный венок славословий. Это были не общие места, не юбилейные отписки, не дипломатические любезности «дружественных» держав. Доказывается это хотя бы тем, что официозные консервативные органы типа прусской «Крестовой газеты», составляли как раз исключение из общего тона. «Крестовая газета», например, ханжески порицала Пушкина за создание «Евгения Онегина». «Знаменитый «Евгений Онегин», — писала газета, — обличает в авторе низменный уровень понятий, так как он выдвигает героя с душою низкой, глухой к нравственным запросам».

Однако, уже тот факт, что «Крестовая газета» называет роман Пушкина знаменитым, показывает, что «Евгений Онегин» получил в Европе широкую известность. Так оно и было, на самом деле, и так было не только с «Евгением Онегиным». Все многочисленные оценки творчества Пушкина, появившиеся в пушкинские дни на Западе, построены не на материале из вторых рук, но показывают, что авторы их хорошо знают творчество Пушкина в полном объеме. Правда, не все произведения Пушкина были оценены ими по достоинству. Так почти вся западно-европейская критика прошла мимо «Медного всадника», не осознав и не почувствовав великолепия этой поэмы. Так проза Пушкина, давно и глубоко оцененная во Франции, ждала еще своей истинной оценки в Германии. Но «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Цыганы» (не говоря уже о лирике), были единогласно (голоса «Крестовых газет» не в счет) признаны шедеврами мировой литературы. Некоторые лирические пьесы Пушкина выдвигались как образцы недостижимого вдохновения. В числе их называли обыкновенно: «Пророк», «Поэту», «Чернь», «Воспоминание», «Для берегов отчизны дальней», «Талисман», «Анчар» и т. д. «Нельзя забыть эти два стихотворения, прочтя их хоть раз», писал, например, Цабель об «Анчаре» и «Талисмানে».

Значение Пушкина критика 1899 года видит в том, что Пушкин создал реалистиче-

скую поэзию. Одна из газет («Гамбургский листок», № 18) особенно подчеркивает, что зрелые произведения Пушкина не отмечены ни романтизмом, ни доктринерством; они реалистичны, но реализм их не зависит от злобы дня. Это признание реалистического начала в творчестве Пушкина позволяет немецкой критике безоговорочно возвысить его над Байроном: «Уже в «Цыганах», — пишет Энгельгард, — Пушкин возвышается над Байроном, он создает в Алеко и в старике такие поразительные по реализму и жизненной правде типы, какие мы тщетно стали бы искать у Байрона». Разбирая «Евгения Онегина», тот же Энгельгард замечает: «Типы Татьяны, Евгения и Ленского, равно и общие поэтические качества этого произведения, ставят его гораздо выше байроновского «Дон Жуана».

Примерно так же высказались критики Шик и Цабель.

И французская и английская печать 1899 года подчеркивала мировое значение Пушкина, признала, как выразился один из французских авторов, что «Пушкин входит в Пантеон гениев всего цивилизованного мира». Очень любопытна статья в парижском журнале «Revue blanche» (от 15 июня), в котором помимо общего очерка жизни и творчества Пушкина, был поставлен акцент на большем прогрессивном значении музыки Пушкина по сравнению с музыкой Байрона. Ибо английский певец в своем протесте, в своей духовной изолированности потерял всякую веру в будущее. Пушкин же, который как и Байрон видел все пороки цивилизованного общества, никогда этой веры в будущее не терял.

Пражская газета «Politik» в пушкинские дни поместила на своих страницах десять статей о Пушкине. В передовой, (№ 153 от 3 июня), посвященной значению пушкинского творчества вообще и для славянских стран в частности, газета писала так: «Пушкин — это солнце, лучи которого согревают весь мир. Эти лучи зажгли и в чешских сердцах свет и счастье, ласковым теплом пробудили к жизни дремлющие ростки на чешской поэтической ниве».

Тридцать семь лет отделяет нас от пушкинских дней 1899 года. За это время о Пушкине было написано несколько ценных работ, как, например, монография профессора Сорбонны Эмиля Омана, вышедшая в

выхода в свет отдельной брошюрой описание Веневитинова было опубликовано в «Русской старине», 1900 г., том 102, стр. 369—412 и т. 103, стр. 83—111.

Париже в 1911 году¹. За это время значение Пушкина было оценено и в тех странах, где раньше едва интересовались им. Так, в Дании переводчик «Евгения Онегина» во вступительной статье к своему переводу (1930 г.) поставил имя Пушкина рядом с именем Шекспира и Гете².

За это время проза Пушкина получила признание и в Германии.

Данью искренней любви к великому поэту явилась большая выставка «Пушкин и его творчество», организованная в 1932 году в Чехословакии вне всяких юбилейных дат³.

¹ Emile Naumant Pouchkine. Paris, 1911. 233 стр. — В этой работе, начисто отрицающей байроническое начало в творчестве Пушкина, автор характеризует его как носителя французского духа и французского стиля. Основание для такой характеристики автор находит прежде всего в лаконизме поэзии и прозы Пушкина, в полном отсутствии в них «фразы» (absence de toute cheville). «Но, — говорит Оман, — каков бы ни был характер его поэзии — русский, французский, или франко-русский, — она прежде всего поэзия пушкинская (стр. 214). Оценивая далее значение Пушкина, Оман формулирует: «Он принадлежит России, но он принадлежит и Франции и всему миру» (стр. 217).

Интересно сопоставить мнение Омана о французском характере стиля Пушкина с мнением Мериме, которое он высказал в письме Собольскому (31 августа, 1849 г.). «Я нахожу, что фраза П. звучит совсем по-французски, я, конечно, имею ввиду французский язык 18 века, так как в настоящее время писать с надлежащей простотой уже не умеют». (Виноградов, указ. работа, стр. 100).

² В Голландии в 1922 г. вышла работа Н. Ван-Вейка «Место Пушкина в мировой литературе», но, к сожалению, я не мог с нею ознакомиться.

³ Нужно отметить, что критико-исследовательский интерес к Пушкину несомненно усиливается за рубежом в последнее время в связи с подготовкой к пушкинским дням 1937 г. Уже имеются сведения о ряде крупных работ, подготовляемых и подготовленных иностранными учеными. Так, в Америке Гарвардский университет выпускает к пушкинским дням специальный сборник статей и исследований, посвященных Пушкину. Профессор Гарвардского университета Э. Симмонс закончил большую биографию Пушкина (свыше 600 стр.). В Италии доцентка Падуанского университета А. Миоли (автор монографии о «Борисе Годунове» Пушкина, вышедшей в Риме в 1935 г.) работает над исследованием «Пушкин и итальянская культура». Словенский ученый д-р О. Бергопец заканчивает монографию «Пушкин и славянский фольклор». Ряд работ готовится в Англии и Франции. В Чехословакии выйдет

И вот, наконец, формула, рисующая отношение к Пушкину западно-европейской критики XX века: «Лишь сравнительно поздно сумели полностью оценить значение Пушкина для России (отчасти это заслуга Достоевского), и лишь новейшее время знает, что Александр Сергеевич Пушкин принадлежит к числу тех бессмертных, первым представителем которых был Гомер, и которые насчитывали в Европе еще лишь имена Данте, Шекспира, Кальдерона и Гете. К этим бессмертным пяти примыкает шестым — Пушкин¹.

11

В предыдущих главах был дан ответ на вопрос: как относилась иностранная критика к Пушкину. Посмотрим теперь, оказало ли творчество Пушкина какое-либо влияние на западно-европейскую литературу, вошли ли иные из его образов в общую поэтическую атмосферу (по выражению Фарнгагена-фон-Энзе), стали ли они материалом и составной частью новых поэтических созданий.

Нужно заметить, что дать ответ на этот вопрос наиболее затруднительно, ибо он требует такого знания иноязычных литератур послепушкинского периода, какое, пожалуй, не под силу одному исследователю. Поскольку тем более вопрос этот ставится впервые и по нему нет еще накопленного материала, — я и не собираюсь разрешить его в полном объеме и ограничусь лишь несколькими примерами.

Говоря выше о переводах из Пушкина, я указывал, что известный немецкий поэт Адальберт Шамиссо перевел в 1829 году «Шотландскую песню» Пушкина. Поскольку этот перевод очень свободен, мы можем говорить здесь о подражании (в узком смысле слова) Пушкину. Еще больше оснований для такого утверждения дает нам тот факт, что Шамиссо ввел это стихотворение в качестве оригинального в собрание своих сочинений.

библиография переводов из Пушкина и работ о нем на славянских языках. — Обзор этой литературы явится предметом особой статьи. Само собой разумеется, что в ряде стран к пушкинским дням выпускаются новые переводы произведений Пушкина.

¹ J. v Guenther. «Puschkin» («Der Hippogrph». Zweites Heft. München. 1923).

Этой же «Шотландской песне» Пушкина подражал другой крупный немецкий поэт Гофман-фон-Фаллерслебен, опубликовавший свое подражание под названием «Убитый рыцарь» в 1829 году. Позднее Фаллерслебен также включил это подражание, но уже с заглавием «Неверная», в собрание своих сочинений, не указав при этом источника заимствования¹.

У знаменитого немецкого поэта Ленау мы встречаем стихотворение «Засохшая роза» (1844):

В раскрытой книге я увидел
Засохшей розы лепесток.
Когда и где и чьей рукою
Был сорван для меня цветок?
Но, память, потускнев, обманет.
Увы, мой вечер наступил.
Увяну я, и те увянут,
Кого я знал, кого любил.

Здесь, как мы видим, первая строфа почти целиком воспроизводит две первые строфы стихотворения Пушкина «Цветок». Да и по своему тону это стихотворение очень близко к «Цветку».

Но гораздо любопытнее и значительнее столкновение с пушкинским материалом в одном стихотворении Генриха Гейне. Стихотворение это называется «Где?» и относится к середине тридцатых годов.

Где последний час покоя
Рок усталому пошлет?
Там на юге, в пальмах, в зное,
Иль среди лип, у рейнских вод?
Буду ль я зарыт в пустыне
Равнодушною рукой?
Иль у скал, где море синее,
Опушусь в песок сырой?
Все равно. Везде отрадой
Будет свод небесный мне,
И надгробною лампадой —
Эти звезды в вышине².

Совершенно ясно, что поэт, написавший эти строки, оразил в них два стихотворе-

¹ Не подлежит сомнению, что и Шамиссо и Фаллерслебен подражали именно Пушкину, а не английскому источнику. Шамиссо сам указал на это, у Фаллерслебена это вскрывается из анализа его текста. Английская баллада, легшая в основу стихотворения Пушкина, была, конечно, известна и в Германии: ей подражал Теодор Фонтане в стихотворении «Два ворона». Тем любопытнее, что Шамиссо и Фаллерслебен обратились не к английскому первоисточнику, а к той трактовке, которую придал ему русский поэт.

² Перевод Вс. Рождественского.

ния Пушкина: «Дорожные жалобы» (Долго ль мне гулять на свете...) и «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Три последние строфы этой элегии особенно настойчиво заставляют себя вспомнить:

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладельный прах?

и т. д.

Без сомнения, у немецких поэтов можно было бы найти немало отзвуков лирики Пушкина, — нужно только поискать. Даже у позднейших поэтов совершенно неожиданно вскрываются следы внимательного чтения пушкинских стихов. Так у Райнера Марии Рильке (родился в 1875 г.) мы встречаем ряд стихотворений, носящих те же названия, что и у Пушкина. Совпадение в названии одного-другого стихотворения, конечно, ничего еще не говорит: любой поэт, независимо ни от кого, может написать стихотворение «Осень» или «К морю». Но когда перед вами встает вереница заглавий: «Ангел», «Пророк», «Красавица перед зеркалом», «Леда», «Осень», «Поэту», «К морю» — вы должны будете сказать: этот поэт читал Пушкина и думал над ним. У Рильке это подтверждается еще и тем обстоятельством, отмеченным уже и немецкой критикой, что прообразом для инока в его «Stundenbuch» послужил, несомненно, пушкинский Пимен.

Заметное влияние лирики Пушкина на творчестве сербских поэтов Станко Врза (1810—1851) и Д. Деметера (1811—1872) отмечает профессор Миливой Шрепель в статье «А. С. Пушкин в хорватской литературе»¹.

Не осталась без влияния Пушкина и болгарская лирика. Так, один из крупнейших болгарских поэтов — Иван Вазов (1850—1921) в стихотворении «Борьба» подражал пушкинскому стихотворению «Чернь». Вазовское «Письмо к В.» И. Д. Шишманов не без основания сравнивал с пушкинским стихотворением «Городок»². Он же указал на зависимость вазовского «Отца Паисия» (из эпопеи «Поля и горы») от пушкинского Пимена.

Вдохновлялся лирикой Пушкина и заме-

¹ См. сборник Ягича: «Пушкин в южно-славянских литературах», стр. 57—58.

² Сборник Ягича, стр. 32.

чательный чешский поэт Ярослав Врхлицкий (1853—1912)¹, написавший между прочим два прекрасных стихотворения о Пушкине.

Гораздо легче вскрывается в иноязычных литературах воздействие крупных произведений Пушкина. Не будь «Цыган» Пушкина Проспер Мери́ме, возможно, иначе написал бы свою «Кармен». Плодотворное влияние поэмы Пушкина на разработку характеров в повести Мери́ме слишком очевидно. Этого не отрицает и французская критика. Но за всем тем я отнюдь не собираюсь называть Мери́ме подражателем. Повесть Мери́ме только доказывает лишний раз, как были неправы те, кто называл подражателем Пушкина, и как прав был Фарнгаген-фон-Энзе.

Еще раньше, чем Мери́ме, поддался очарованию пушкинской поэмы безвременно умерший чешский поэт Карл Маха (1810—1836). Его поэма и называется так же, как у Пушкина, «Цыганы». Чешский критик Махал указывает еще на некоторые черты сходства с «Цыганами» Пушкина в поэме Зигфрида Галека «Гоар». (1835—1874)². Откровенно подражал поэме Пушкина немецкий поэт Мюллер фон-дер-Верра (1823—1881) в своей поэме «Цыганы».

«Полтава» Пушкина, довольно холодно принятая западно-европейской критикой, вызвала, однако, к жизни несколько драматических произведений на Западе. Под влиянием «Полтавы» написана трагедия «Мазепа» чешского драматурга Йосифа Фрича (1855), драма немецкого драматурга Карла Штарка «Битва под Полтавой» (1859) и трагедия «Мазепа» немецкого поэта и драматурга Рудольфа Готшала (1873). Хотя из всех названных Готшал наиболее добросовестно изучал исторические материалы, однако, ближе всех остался к поэме Пушкина в изображении главных характеров.

Выше я указывал на отражение образа пушкинского Пимена у Рильке и у Вазова. Но «Борис Годунов», наряду с «Евгением Онегиным», наиболее горячо принятый за-

падно-европейской критикой, неминуемо должен был отразиться гораздо полнее в иноязычных литературах. Я не останавливаюсь более подробно на этом вопросе и не привожу примеров только потому, что вопрос этот совсем недавно был детально обследован М. П. Алексеевым в интересной статье «Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западно-европейской драме»¹.

М. П. Алексеев пришел в результате к выводу, что «пушкинский «Борис Годунов» оказал весьма сильное влияние на европейскую драматургию, преимущественно немецкую». Это признают и многие европейские исследователи.

При этом хочется подчеркнуть, что в ряду драм, отмеченных влиянием «Бориса Годунова», стоит и драма немецкого драматурга Генри Гейзелера «Дети Годунова», написанная в 1923 году. Отсюда можно заключить, что влияние Пушкина на западно-европейскую литературу живо и до нашего времени, чего о Байроне, например, сказать никак нельзя.

Исключительно сильное влияние оказал Пушкин всем своим творчеством на чешского писателя Густава Пфлегера (1833—1875). Начало поэтической деятельности Пфлегера отмечено влиянием Байрона, и любопытно, что от этого влияния освободил его, по собственному признанию Пфлегера, не кто иной, как Пушкин. Особенно любопытно это должно быть тем, кто причисляет Пушкина к байронистам.

Пфлегер познакомился с Пушкиным по чешским переводам Бендля и по немецким переводам. Огромное впечатление на него произвел «Евгений Онегин», и «Онегину» обязан своим появлением стихотворный роман Пфлегера «Пан Вышинский». Вот что пишет по этому поводу Пфлегер в своих записках: «Однажды вечером я перечитывал Пушкина, именно его «Онегина». И вдруг у меня родилась мысль. Я понял, что мне нужно. Реальность, именно идеальная реальность, изображение предметов, событий, чувств и мыслей такими, каковы они есть, только в своего рода возвышенном одеянии: вот что я понял вдруг. Раньше я замышлял написать что-либо в жанре Чайльд-Гарольда. Теперь я выбросил из головы чешского

¹ См. А. Степович, — «Ярослав Врхлицкий и русская литература», в сборнике статей в честь академика Соболевского. Ленинград, 1928 г., стр. 139. Степович указывает еще на влияние сказочных мотивов Пушкина в сказке Врхлицкого «O zlatém klíci».

² Machal. «A. S. Puskín» (Slov. Prehled, 1899, № 9 и 10).

¹ См. сборник «Борис Годунов» А. С. Пушкина. Под редакцией К. Н. Державина. Ленинград, 1936, стр. 81—124.

Чайльда. В тот же вечер я безо всякого плана набросал две первые строфы «Вышинского».

Герой романа Пфлегера Владимир чертами своего характера напоминает Онегина. Точно так же друг Владимира Ярослав является родным братом Ленского, а героиня романа Лидра, в которую влюблен Владимир, во многом напоминает Татьяну. По образцу «Онегина» сделана и вся композиция романа: развитие действия перебивается отступлениями, в которых автор останавливается на личных переживаниях, на критике современных литературных и общественных отношений. Роман Пфлегера отображает живую чешскую действительность, и тот факт, что его герои чертами своего характера перекликаются с пушкинскими героями, лишь подчеркивает европейскую значимость Пушкина.

Не только поэтические произведения, но и проза Пушкина оказала заметное воздействие на европейскую литературу. Чтобы доказать это, я приведу лишь одно высказывание Марселя Прево, начало которого уже цитировать мною, когда я говорил о переводе «Пиковой дамы», сделанном Мериме. Вспомнивая о первом впечатлении, произведенном на него «Пиковой дамой», Марсель Прево пишет: «Я вновь вижу себя юношей, влюбленным в литературу, жадно стремящимся постигнуть искусство мастеров новеллы. Я вижу себя изучающим этот маленький шедевр, размышляющим над ним. Я так часто перечитывал его, что наконец, выучил его наизусть. Несомненно, и сам Мериме, так прекрасно передавший нам «Пиковую даму», несколько обязан Пушкину в умении строить простую и напряженную новеллу¹. Да и Мопассан не

¹ О влиянии прозы Пушкина на Мериме говорит и профессор Оман в своей монографии. Из русских исследователей только А. К. Виллиградов подошел к этому вопросу в уже цитированной мною книге «Мериме в письмах Соболевскому». Вот его вывод: «Не преувеличивая влияния пушкинской прозы на знаменитого французского новеллиста, мы можем все же назвать это влияние Пушкина огромным, хотя конечно сама французская проза 18 века, оказывая воздействие на Мериме не менее чем Пушкин, отбила у него вкус к напыщенности и лафосу Виктора Гюго» (стр. 225). Впрочем, сам Проспер Мериме откровенно признается, что Пушкин был для него образцом, к которому он стремился. Вот строки из письма Мериме Соболевскому (от 14 апреля о Лжедмит-

остался без влияния автора «Пиковой дамы»; во всяком случае, он тоже внимательно читал его и размышлял над ним»¹.

Если прибавить к этому, что одна из новелл Анри де Ренье, «Тайна графини Варвары», носит на себе явные следы хорошего знакомства автора с сюжетом «Пиковой дамы»², то мы убедимся, что почти все крупнейшие новеллисты Франции, ее лучшие мастера короткого рассказа, «внимательно читали Пушкина, размышляли над ним и кое-чем ему обязаны».

Я не собираюсь, как сказано, представить исчерпывающую картину пушкинского влияния в мировой литературе. Разработка этого вопроса только теперь должна начаться по-настоящему. Но я не могу обойти молчанием следующий примечательный факт. Известно, что чем прочней укрепляется авторитет писателя, тем чаще пользуются мотивами его творчества другие искусства, тем охотнее делают его произведения предметом театрализованного зрелища. Большое число русских опер и балетов на пушкинские сюжеты подтверждает его авторитет в национальном масштабе. То обстоятельство, что эти оперы пользуются большим успехом в западной Европе, относится, конечно, в большей степени к европейскому значению русских композиторов. Но тот факт, что сюжеты Пушкина часто и охотно обрабатываются для театра западно-европейскими композиторами и драматургами, — всецело относится уже к европейскому значению Пушкина.

В 1838 году Вальтер Гете (внук великого поэта) ученик Мендельсона, положил на музыку «Цыган» Пушкина и одну из своих музыкальных фантазий назвал «Кавказский пленник». В 1849 году знаменитый скрипач сделал оперное либретто на сюжет «Пиковой дамы», музыку к которому напи-

рии: «Но тут, стремясь подняться до Пушкина, я решил отказаться от своего проекта и написал самую простую историю».

¹ См упоминавшуюся выше работу Семенова, стр. 36—37.

² См статью Л. П. Гроссмана «Пиковая дама и новелла Ренье» в сборнике его «От Пушкина до Блока» М. 1926, стр. 66—72. Вторично в собрании сочинений, т. I М. 1928, стр. 211—216. В своей статье Л. П. Гроссман с полным основанием утверждает, что «близость этой новеллы к «Пиковой даме» очевидна. Все элементы пушкинского сюжета здесь сохранены лишь с незначительными видоизменениями».

сал Галеви. Первое представление этой оперы на парижской сцене было в 1850 году. В 1853 году немецкий композитор И. Арнольд написал увертюру к «Борису Годунову». В 1867 году Сен-Леон написал балет «Золотая рыбка» по сказке Пушкина. В 1870 году чешский драматург Иосиф Коллар сделал оперное либретто на сюжет «Бахчисарайского фонтана», музыку к нему написал Леопольд Мехура. Первое представление этой оперы состоялось в Праге в феврале 1871 года. В 1872 году сербский композитор Зайц написал оперу «Лизинька» (Lizinka) на либретто И. Томича, сделанному по «Барышне-крестьянке». «Барышня-крестьянка» вообще довольно часто привлекала к себе внимание европейских драматургов. В девяностых годах сербский драматург Милорад Попович переработал повесть Пушкина в комедию. В посмертном собрании сочинений немецкого драматурга Гейзелера, опубликованном в 1929 году, имеется несколько сцен из незаконченной комедийной переработки той же «Барышни-крестьянки».

Известный немецкий драматург Рихард Фосс переделал в драму «Арапа Петра Великого» (1883)¹.

Ряд стихотворений Пушкина положен на музыку немецкими и французскими композиторами².

Упомяну еще в этой связи, что, начиная с 1906 года, пушкинские произведения прочно вошли в кино. Сейчас зарегистрировано свыше 70 кинофильмов, сделанных по пушкинским произведениям в России, Германии, Франции, Америке и СССР. (Газета «Кино» № 26, 1936 г.).

¹ Драматургические произведения самого Пушкина неоднократно ставились на европейских сценах. Так, в 1877 году в Париже шел «Каменный пость». В девяностых годах в Париже и Берлине шел «Борис Годунов». В 1909 г. в парижском «Одеоне» давали «Скупого рыцаря».

² С музыкальной стороны наибольший интерес представляют здесь, пожалуй, композиции Полины Виардо, но любопытен и тот факт, что Фр. Ницше, как известно занимавшийся в молодые годы музыкальной композицией, положил на музыку стихотворение Пушкина «Заклинание» (в переводе Опица). Романс этот написан в 1864 году, но опубликован лишь в 1907 году в журнале «Morgen» № 28—29.

Подведу итоги. Статистика переводов из Пушкина позволяет утверждать, что Пушкин прочно вошел в сознание зарубежных читательских кругов. Тот же факт, что эти круги, по признанию некоторых западно-европейских критиков, немногочисленны, порочит не славу Пушкина, а существо буржуазной культуры, которая не очень-то стремилась к расширению своих читательских кругов.

Эта же статистика переводов показывает, что интерес к Пушкину во всем мире не только не падает, но продолжает расти и в наши дни, захватывая все большее число стран. (Фашистскую Германию беру за скобки).

Высказывания западно-европейской критики убеждают нас в том, что Пушкин принят ею, как явление мировое, и что его мировое значение все больше и больше растет в глазах зарубежной критики.

Ряд художественных произведений позднейших литературных поколений в различных странах несет на себе следы конкретного воздействия художественных идей и образов Пушкина. Этот ряд, несомненно, не исчерпывается приведенными примерами. Только последующие сравнительно-литературные изыскания могут приблизить его к пределу. Однако, вопрос, что дал Пушкин мировой литературе, решается не только накоплением фактов непосредственного использования пушкинских идей и образов, ставших общим поэтическим достоянием. Основное значение Пушкина для мировой литературы, по признанию западно-европейской критики, заключается, во-первых, в принципах его художественного стиля, а, во-вторых,—и это самое главное—в его творческом методе, который положил начало новой реалистической поэзии. Реализм Пушкина и его гармоническое мировосприятие давали европейской литературе выход из тупиков пессимизма и мистицизма, в которые заводил ее буржуазный романтизм.

Я не ставил себе задачей объяснить мировое значение Пушкина с нашей точки зрения, а точки зрения советской социалистической культуры. Я взялся лишь показать, как воспринимала и оценивала Пуш-

кина западно-европейская буржуазная культура. Высказывания западно-европейской критики мы можем всегда принять как меру ее признания великого поэта, но не всегда как меру истинного понимания существа его творчества. Советская литературная наука не ограничена буржуазными рамка-

ми, не связана буржуазными предрассудками, и она должна сделать свои выводы о мировом значении поэта, в котором, по замечательному выражению «Правды», сказались талантливость, сила, вдохновение, страсть великой страны, ее трудящихся масс.

КРАСНАЯ НОВЬ

ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ

О Р Г А Н
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЯНВАРЬ

№ 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1 9 3 7